© ГАЛИНА МАРКУС

Внимание: все права защищены. Любые ссылки, копирование, публикация и (или) иное использование только с разрешения автора.

ЗАМОК

— Слушай, давай в другой раз? Дался тебе этот з***а***мок… Смотри, сейчас уже половина четвертого, до дома еще часа три. А хотели вернуться, пока не стемнело… — Никита смотрел вопросительно.

Он хорошо знал, что означает такое выражение ее лица.

— Да я с детства мечтала сюда попасть! Когда я еще… да никогда… — насупилась Ленка и добавила слегка виноватым голосом:

— Пожалуйста, Китоčка, миленький! Ну мы все равно едем мимо…

Если с ее упрямством он еще как-то умел бороться, то этот просительный тон всегда обезоруживал. Никита обречено вздохнул и припарковал машину метров за пятьдесят от древней стены, побывать за которой так рвалась сейчас его пассажирка.

— Ладно, пошли, но осматриваем все бегом, ясно?

Замок находился на берегу прибалтийского озера. Когда-то оно было такого размера, что затрудняло подступы к стенам, а сейчас служило отличной декорацией к старинной архитектуре. У берега плавали нежные, едва распустившиеся кувшинки, вода заросла ими, как тиной.

Судя по трем одиноким автомобилям у центрального входа, от посетителей замок не ломился. Да и транспорт, мелькнуло в голове у Никиты, мог принадлежать работникам музея. Странно. Обычно сюда даже в дождь один за другим подкатывают автобусы с шумными экскурсантами.

Все объяснилось просто: понедельник оказался выходным днем. Парень почувствовал облегченье, хотя и слегка пожалел Ленку, такой расстроенный был у нее вид. Они, и правда, редко посещали эти места, а если и ездили к тетке в Н. и обратно, то совершенно другим путем. Дорожные работы вынудили их сегодня сделать длиннющий крюк — даже при нынешних понятиях о расстояниях замок находился в совершенной глуши, а старую дорогу к нему восстановили специально для экскурсий.

Они медленно повернули от запертых ворот обратно к машине. Никита, которому с трудом удавалось скрывать радость, сочувственно кивал в ответ на Ленкины сетования. Он даже согласился в порядке утешения сделать круг вокруг замковой стены – высокой, сложенной из грубых серых каменных глыб. Сам замок из грязно-красного кирпича поднимался из-за стены несимметричными башнями. За окнами готической формы угадывались странные переходы и мрачные неосвещенные помещения. В отличие от разнообразных развалин, когда-либо виденных Никитой, замок прекрасно сохранился.

Впрочем, это только снаружи кажется таким интересным. Никита с детства терпеть не мог музеев. Войдешь в этакую древнюю комнату, а там стеклянные стенды с аккуратными табличками, за которыми лежат бесформенные осколки древней посуды или черные кривые монеты. Вот если бы взяли да и устроили нечто вроде экскурсии в прошлое. Полное погружение, чтобы человек действительно проваливался в средневековье, как в дырку во времени, лишь только зайдя за эти стены. Трапезная, опочивальня, келья монаха, комната пыток, скотный двор… А кругом – люди в старинных одеждах, каждый занят своим делом.

И, конечно же, никаких скучающих тетенек на стульчиках в углу, зорко следящих, чтобы ты не сфотографировал бесплатно «чашу для омовения рук», больше напоминающую кусок асфальта: «Не трогайте экспонаты руками!»

Ленка шла нарочито медленным шагом, как будто стараясь вдохнуть воздух замка, хотя бы снаружи, хотя бы чуть-чуть… Все здесь – густой сосновый лес, эти темные стены, за которые ей не удастся сегодня попасть, — все пахло сказкой, нет, скорее, отцовскими рассказами о таинственных приключениях, средневековых рыцарях, и еще чем-то, затхлым, древним, загадочным, как чернота за окошком старой дачи – таящая множество опасностей, но смотрящая миллионами блестящих звезд… Как страницы пожелтевшей книжки с захватывающими дух историями, которые читались детям на ночь, а потом снились до утра, заставляя иногда вскрикивать во сне… Она не чувствовала разрыва времен, того самого, ради которого туристы долго едут куда-то, а потом заставляют себя изумляться: «Ах! Этому

предмету двести лет! А этим стенам — тысяча! Здесь ходили люди, которых нет на свете уже несколько веков!»

Нет, для Ленки непонятным образом соединялось прошлое и настоящее: замок — сказка — возможное счастье — напрасные мечты… Не возраст этих камней был ей дорог, а их романтический свет. Все это никак не желал понимать Никитка. Да и сама она не смогла бы выразить внятно.

Внезапно оба остановились. За очередным поворотом перед мольбертом стоял молодой человек в джинсах и майке навыпуск, с огрызком карандаша в зубах. На художника парень не походил, вместо палитры и красок перед ним лежали бумаги и схемы. Услышав шаги, он резко обернулся и уронил несколько листков, но перед тем, как присесть на корточки и собрать их, несколько дольше, чем требовало приличие, задержал взгляд на нежданных прохожих.

Почувствовав неловкость, Ленка дернула спутника за рукав, и они продолжили путь. Однако, повинуясь любопытству, она постаралась пройти как можно ближе к незнакомцу и заглянуть за мольберт. Парень еще копался, поднимая бумаги, поэтому Лена рискнула. Быстро сделала лишний шаг в сторону и…

— Ничего интересного вы не увидите, — молодой человек заговорил, еще стоя к ней спиной. — А точнее, для ***вас*** интересного.

Он выпрямился, с легкой иронией глядя на Ленку. А может, это была самоирония.

Не акцент, а что-то едва уловимое в манере говорить выдавало в нем коренного жителя. Он разглядывал девушку открыто и внимательно, без всякого смущения. Ленке это не понравилось. Она умела поставить мужчину на место, если тот становился нахальным.

— А вы, кажется, увидели что-то интересное? — насмешливо произнесла она.

Никита при этом только поднял брови, скорчив свою любимую гримасу неудовольствия.

Парень усмехнулся и сделал приглашающий жест — убедитесь, мол, сами. Действительно, на приколотом листе бумаги ничто не напоминало изображение старого замка. Но Ленка почему-то не сомневалась, что все эти сферы и линии с мелкими цифрами имеют к нему прямое отношение — то ли объясняют, то ли вычисляют его изнутри.

— Научный труд? Диссертация? — слегка разочарованно протянула она.

— Не любите науку?

— Нет, — честно призналась Ленка, — не понимаю, значит, не люблю. Не дано мне. Так что вы оказались правы.

— На искателей старины вы не похожи. Наверное, вы — романтик. Нравится дух здешних мест?

— Да…

Ленка была удивлена — парню удалось в двух словах выразить ее мысли.

— Вот только замок ваш сегодня закрыт, — пожаловалась она. — Вот вам и дух. И когда теперь…

Никитка усмехнулся:

— Представляю, приезжает в средние века сюда рыцарь на коне, усталый и израненный. А на воротах вывеска: «По понедельникам не принимаем».

— Издержки современности, — согласно кивнул парень. — А вам очень хочется осмотреть замок?

— А что толку… — вздохнула девушка.

— Думаю, смогу вам помочь. Я здесь на полставки, пишу, как вы сами догадались, работу. Так что со мной вас пропустят.

— Ох, правда?! Вот спасибо!

Ленка, в отличие от Никиты, сияла от восторга.

— Боюсь только, гид из меня не очень. Знаете, есть такие люди, которые сами что-то понимают, а вот рассказать не умеют.

— Вы же готовите о замке научный труд! — удивилась Ленка.

— Это другое. Представьте художника, который не может объяснить, как создает картину.

— Глупости, — буркнул Никитка. — Настоящий художник отлично знает законы рисования.

— Но не знает, откуда берется его вдохновение, — улыбнулся тот.

— Да мы сами все посмотрим, вы только нас проведите! Вас как зовут? — Ленка решила, что им пора познакомиться. — Меня — Елена.

— Ромас, — представился парень, — можно Роман, а вашего брата?

У Никиты был не слишком радостный вид, и, называя себя, он даже не сообразил протянуть руку.

Пока Ромас договаривался с охранником, Ленку вдруг осенило: «А откуда он знает, что Никитка — мой брат, а не муж и не жених? Вот пройдошный парень!»

Они прошли во внутренний двор — не через ворота, а через незаметную дверь в боковой стене. Между входами в крепость и ее ближайшую башню оказалось всего метров пять. Через башню, похоже, шел сквозной проход вглубь территории, но Ромас указал им на небольшую и вполне современную дверь в стороне от арки.

— Служебный вход, — пояснил он.

Коридор, которым они шли, был отделан по-современному и вел, очевидно, в административную часть здания. Ленка чуть было не разочаровалась, но быстро сообразила: не могут же люди постоянно работать среди кирпичных стен при свечах. Музей есть музей.

Ромас завернул в одну из комнат за ключами от экспозиции, а Никитка насмешливо произнес Ленке на ухо:

— А аспирантик-то, кажется, к тебе клеится?

— По-твоему, человек не может сделать доброе дело просто так? — огрызнулась она.

— Может, может.… Только для крокодила бы он свой мольбертик не бросил.

— Не суди по себе, — парировала Ленка, но, если честно, она и сама видела, что понравилась Ромасу.

Нельзя сказать, чтобы эта мысль была ей неприятна.

Экскурсия, если их марш-бросок по огромному замку можно было назвать экскурсией, впечатляла. Ромас, хотя и скромничал про свои таланты экскурсовода, обладал интересной способностью: пробегая по залам, выделять основную суть — мысль, идею, приковывая внимание к тому или иному предмету. Это звучало во всем, о чем бы ни говорил их персональный гид — архитектуре, утвари или исторических событиях. А отсутствие посетителей и полного освещения превращало странную прогулку в нечто таинственное и почти незаконное.

Парадное средневекового дворца украшали фрески и витражи из жизни князей. Длинные деревянные галереи соединяли жилые помещения и башни между собой. Между спальней князя и казначейской палатой был тайный ход во внутренний двор. В замке имелось даже некое подобие воздушного отопления — холодные каменные стены когда-то согревал поднимающийся вверх по трубам горячий воздух.

Даже Никита перестал посматривать на часы, так увлекло его происходящее. Однако к Ромасу он испытывал смешанные чувства. С одной стороны, парень ему поневоле нравился. Импонировала его эрудиция, легкий непринужденный разговор, приветливость. Хорошо бы иметь такого друга, не соскучишься. Вот только…

Никита имел все основания не считать себя глупым или необразованным. Однако Ромас явно превосходил его интеллектом, и это несколько задевало. А кроме того, как это часто бывало с Никитой, стоило кому-то проявить интерес к его сестре, как внутри росла колкая неприязнь. «Аспирант», — сразу окрестил он Ромаса и продолжал злорадно развивать в уме тему доцента кислых щей, хотя выглядел парень, напротив, спортивным и ладным.

Его стройная фигура уже маячила впереди. Ленка двигалась следом, как завороженная, поднимаясь по крутой винтовой лестнице. Все больше и больше теряла она чувство времени и реальности, погружаясь в сказку. И хотя в замке все было так, как в любом подобном музее — экспонаты, искусственное освещение и тому подобное, — рассказ Ромаса уводил в совершенно другой мир.

Ленка отметила, что, говоря о прошлых веках, Ромас умудряется делать это так, как если бы видел события своими глазами, или, точнее, для него вообще не существовали разделяющие столетия. Впрочем, ведь этот замок и был тем самым связующим звеном между ними. Древние стены — свидетели разных времен — молча хранили свои тайны, но для Ромаса как будто делали исключение, по секрету сообщая то, чего не собирались выдавать другим.

Иногда у Ленки или Никиты вырывался один и тот же вопрос:

— А откуда вы знаете?

В ответ Ромас недоуменно прерывал рассказ и, пожимая плечами, рассеянно отвечал:

— Наверное где-то читал… не помню…

Но Ленке казалось, что ничего подобного ни в каких книжках прочитать нельзя. Где, к примеру, могло быть написано, что именно в этой комнате, экспозицию которой составляло только холодное оружие, пролила много слез молодая девушка, насильно выданная замуж за отвратительного, жестокого хозяина замка; что она часами не отходила от узкого окошка, раздумывая, покончить ли со своей ужасной жизнью или нет. И что эта женщина после смерти ненавистного мужа наотрез отказалась носить траур, стала закатывать один пир за другим, и со временем превратилось в еще более мерзкую фурию, чем ее супруг, издеваясь над слугами и собственными детьми, особенно над дочерью. Но девочка выросла кроткой, и ее добрые дела искупили несколько поколений ненависти и злобы этого рода…

Когда они обошли все залы и закутки замка, Никита, наконец, посмотрел на часы. Было уже больше пяти. Но даже ему стало жаль прерывать маленькое приключение. Однако — пора благодарить Ромаса и раскланиваться. Как будто почувствовав это, Ромас вдруг предложил:

— А хотите в башню?

— А разве мы не все посмотрели? — удивился Никита.

— Официальную экспозицию — всю. А в башню народ не ходит, аварийное состояние. Впрочем, аварийное оно уже лет триста. Не боитесь?

— Нет, конечно, пойдем, здорово! — ухватилась за идею Ленка.

Никита что-то промычал про время, но и только.

В башню вела еще более крутая винтовая лестница, Ленка с трудом преодолевала высокие ступени. Ромас подал ей руку и слегка подтягивал за собой. Подъем был долгим, а когда они оказались на самом верху, парень еще несколько секунд не выпускал ее ладонь.

Они огляделись. Стены башни здесь казались гораздо древнее, чем во всем замке, и почти полностью покрылись зеленым мхом. Пол, выложенный деревянными досками, выглядел так, что даже ступить страшно. В круглой стене имелись узкие бойницы, через которые пробивался свет потускневшего к вечеру неба.

Ничего особенно примечательного, если не считать странных ощущений. Их почувствовали оба — и брат, и сестра. Что думал Ромас, сказать было трудно. Он выглядел и напряженным, и полным вдохновения, и, казалось, испытывал то, чего очень ждал.

— Здесь… — наконец смогла произнести Ленка, — мистика какая-то… Я не могу это объяснить, но как будто время… оно есть или его нет? Здесь страшно. Нет, здесь великолепно!

— Просто слегка заброшенно, и ничего от современности, — рассудительно заметил Никитка.

Однако и он чувствовал нечто похожее. Никита знал, что по идее должен испугаться, но испугаться было невозможно, напротив, его охватывало радостное возбуждение, которое он постарался скрыть — не хватало еще ахать и охать, как сестра.

Одновременно все подняли глаза к потолку и увидели, что он уходит слишком высоко, выше, чем обычно на подобных башнях. Но снаружи они не заметили такого высокого шпиля — его отовсюду было бы видно. На самой вершине башни располагалось отверстие, судя по расстоянию, довольно большое, но отсюда оно казалось величиной с монету.

На улице еще полностью не стемнело. Но сквозь окно в потолке глядело на них абсолютно черное небо. А на этом бархатно-черном фоне светили крупные, алмазные звезды.

— Как такое возможно? — в восторженном ужасе прошептала Ленка и уставилась на своего провожатого.

Ромас смотрел ей в глаза, не отрываясь.

— Вы заметили? Это очень, очень хорошо! Сюда никто практически не ходит, а если и ходят, то… В общем, не каждый это видит. Окно не всегда открыто. Можно сказать, это моя тайна. Я даже не был уверен, что вы увидите, это хорошо, хорошо! — повторил он еще раз возбужденным шепотом.

— Наверное, эффект колодца, в котором днем видны звезды, — решил проявить эрудицию Никита.

Он терпеть не мог всякой мистики и не желал, чтобы сестре дурили голову. Она такая впечатлительная натура! Ничего не стоит рассказать ей пару романтических сказок — и девушка у тебя в кармане.

— Да, что-то с оптическим обманом здесь связано, хотя бы ощущение высоты. Но… если честно, мне удалось залезть во-он до той, — Ромас показал вверх, — балки… второй снизу, видите? И сделать измерения. Если умножить расстояния между балками на их количество… Нет, всего объяснить не удается. Изнутри башня и шире, и выше, чем снаружи — это раз, а главное — никакого отверстия там нет, ни на чертежах, ни на фотографиях с вертолета — я здесь все документы изучил. Да если бы и было, сюда регулярно бы заливал дождь, и доски давно бы прогнили. Однако они сухие уже много лет. Я пробовал заходить сюда даже в грозу — эффект тот же. Ни одной капли — звездное небо. И днем тоже.

— Тогда, возможно, это просто художественное изображение! И все очень просто! — сделал открытие Никитка и снисходительно посмотрел на фантазера-гида.

— Да ты что, Кит, — прошептала Ленка, — ты разве не видишь, — они же светят, а небо живое!

— Обман зрения.

— Знаете, тогда это очень странный обман. Почему-то он случается не у всех, — покачал головой Ромас. — Я ведь говорил, что большинство вообще не видят никакого проема.

— Значит, его видят излишне тонкие, легко возбудимые натуры, — попытался съязвить Никита, но прежде, чем ему ответили, уже сам понял, что сморозил глупость.

— Да ведь и вы его видите! А вы вполне практичный, рациональный человек. Или… скажем так, хотите таким казаться.

Вот чего Никитка терпеть не мог, это когда к нему лезли в душу со всякой там психоаналитикой. Поэтому повернулся к сестре:

— Ну ладно, Лен, нам пора. Большое вам спасибо, Ромас, все было очень интересно. Вы потратили на нас столько времени!

Ленка продолжала стоять, не шелохнувшись, и не знала, как поступить. Больше всего на свете она боялась, что вот сейчас они вежливо распрощаются и… И все. Ромас тоже не отрывал от нее своих темных, волнующих глаз. Она чувствовала, что немножко боится его. Не в том плане, что от парня могла исходить опасность — нет, она доверила бы

ему свою жизнь! Просто ей казалось, что каким-то непостижимым образом Ромас знает о ней больше, чем это могло быть. Знает в ней что-то главное, ту самую суть, которую он так легко улавливал и в замке, и в его истории, и которую, возможно, она не знала в себе сама.

Глупо считать, что кто-то читает у тебя в душе, да это выражение и не подходило. Скорее, так можно чувствовать себя рядом с волшебником из сказки, который сейчас произнесет торжественное напутствие герою: «Иди прямо, потом повернешь налево, никуда не сворачивай, да смотри, не оглядывайся».

— Вы только сейчас не езжайте по той дороге, по которой собирались. Вернитесь на основную, ее уже открыли, — вдруг произнес Ромас.

— Еще целый час круголя давать? С чего это вдруг? А вдруг там не открыли, что, ехать обратно? — изумился Никитка.

Взгляд у Ромаса стал обеспокоенным, как бывает у человека, которому обязательно надо убедить другого, и он заранее боится, что ничего не получится.

— Я не могу объяснить, но точно знаю. Вы не пожалеете. Прошу вас!

Они уже начали спускаться по лестнице. Подобной чепухи Никита никогда не слышал и, разумеется, не собирался ехать кругом. Но Ленка, очевидно, впитавшая в себя мистические настроения экскурсовода, вцепилась брату в рукав:

— Киточка, миленький, сделай, как говорит Ромас, ну, пожалуйста!

Они вышли из замка. Ромас сложил мольберт и прислонил его к стене с внутренней стороны. Он молча слушал их препирательства. А потом сказал очень вежливо:

— Никита, неудобно вас просить, но уже достаточно поздно. Боюсь, иного способа вернуться в гостиницу, кроме как доехать с вами обратно до развилки, у меня нет. Я понимаю, что для вас это крюк, но так уж сложилось.

Никита поднял брови. Парень явно намекал на то, что потратил на них столько времени, и теперь они обязаны отвезти его домой. Вот это нахал, и нахал неприкрытый! Но так-то лучше, чем придумывать всякие сказки.

— Конечно, мы вас подбросим, — ответил Никита вслух, из-за всех сил скрывая нотку самодовольства.

Он выразительно посмотрел на сестру, садясь в машину, но та избегала встречаться с ним взглядом. Самой за аспиранта стыдно, решил Никита. Он демонстративно открыл перед ней переднюю дверцу, отрезая ей путь к кавалеру на заднее сидение.

Однако не заметил, что перед тем, как сесть, Ромас и Ленка переглянулись, причем в глазах девушки светилась благодарность.

— А вы что, постоянно живете в гостинице или ездите сюда из Н.? — заводя мотор, спросил Никита.

Парень немного замешкался, однако ответил:

— Я пока занимаюсь в замке, при нем и живу. То есть в гостинице тут поблизости… Вы меня только до развилки подкиньте, а там недалеко.

Ехали молча, минут через тридцать Никита остановился. Действительно, знак дорожных работ, стоящий днем на развилке, убрали, и путь к дому оказался свободен. Ромас поблагодарил его, а Никита саркастически ответил:

— Ну что вы, мы вам больше должны.

Ленка испуганно смотрела с переднего сидения:

— И как вы теперь доберетесь до… до гостиницы?

— Не волнуйтесь, Лена, все будет в порядке, здесь рядом, просто за поворотом не видно, — и добавил решительным голосом:

— Лена, мне нужен ваш номер телефона. Ничего не подумайте, просто хочу узнать, как вы доехали. Только городской, мобильника у меня нет.

Не успел Никита возразить, как Ленка произнесла цифры.

— Я могу записать, — она стала суматошно рыться в сумочке в поисках бумаги и ручки.

— Не надо, я не забуду, — парень исчез в темноте.

— Штирлиц, тоже мне! — уже с нескрываемой неприязнью проговорил Никита, отъезжая. — Зачем дала ему телефон, чтобы он адрес узнал? Мобильника у него нет! Он что — динозавр?

— А ты — неблагодарная свинья! — в ее голосе послышались слезы.

— В чем дело? Что за истерики? Я весь день делаю то, что ты хочешь. Хожу за тобой три часа по замку, хотя нам надо домой, наблюдаю, как ты кадришься с этим аспирантиком, а потом еще и круги для него накручиваю. И это я — неблагодарная свинья?

— Да, — коротко ответила Ленка и замолчала.

— Никакой гордости, — ворчал Никита, — «ой, запишите мой телефончик, не забудьте позвонить, я буду ждать». Что-то на тебя не похоже. Не видишь разве — он просто шарлатан и хитрюга.

— Отстань, — так же коротко и мрачно ответила Ленка и отвернулась к окну.

Она не хотела больше разговаривать с братом. Она вообще ничего не могла понять и боялась только одного — что Ромас забудет ее номер.

***

В Т. они приехали поздно вечером. Родители уже больше недели отдыхали на море, и Ленка жила в квартире одна. Никита и в обычные дни частенько ночевал у своей девушки, а сейчас, когда дома показываться было не обязательно, и вовсе перебрался к Настене. Может, сегодня она и остался бы дома, но размолвка с сестрой его разозлила. Он довез Ленку до подъезда, пробубнил «пока» и отчалил.

Ленка поднялась на третий этаж, открыла дверь и вошла в прихожую. Почему-то захотелось зажечь свет во всех комнатах сразу. Так она и сделала, тем более что ругаться за перерасход электричества было некому.

Буквально через пару секунд раздался телефонный звонок. Ленка взяла трубку и сразу, хотя и с некоторым изумлением, узнала голос своего нового знакомого. Конечно, она ждала его звонка, но не раньше завтрашнего дня.

— Лена, как вы доехали?

— Спасибо, все хорошо. Вы по межгороду звоните? Вы-то как добрались? Ведь насчет гостиницы — это не правда? Вам пришлось возвращаться в замок?

— Не беспокойтесь, Лена, это все ерунда.

Он замолчал, молчала и она. Шли секунды, и, однако, ей казалось, что они разговаривают. Наконец она спросила:

— А откуда вы узнали, что Никита мой брат, когда мы только познакомились?

— Не знаю.

Она представила, как он пожимает плечами.

— У меня так бывает, ляпну что-то… — пробормотал аспирант. — Наверно, романтическая пара выглядит иначе.

Ленка почувствовала смущение:

— Он меня всего на два года старше, — совершенно некстати сообщила она и, совсем сбившись, замолчала.

— Он очень хороший человек, надежный.

— Но вам не понравился, да? Вы не обращайте внимания, он иногда такой вредный бывает…

— Нет, он мне понравился. Просто он придумал себе определенный образ и хочет в него вписаться, а у него не всегда получается. Не забывайте, не каждый видит *окно*, а он увидел.

— Вы объясните, что это значит, да?

— Почему вы думаете, что я знаю?

— Но…

— Лена, — он вдруг заторопился, — я сейчас не могу больше говорить, вы разрешите мне еще позвонить вам?

— Да, конечно, буду очень ждать, — откровенно ответила девушка.

— Тогда до свидания. Ох, нет, подождите, не отключайтесь, проверьте, заперта ли дверь.

— То есть?

— Ну, прямо сейчас, сходите, пожалуйста.

Ленка в недоумении положила трубку на столик и отправилась в коридор. Вот это да! Как это она забыла — даже ключ не вынула с той стороны. Она заперла дверь и буквально бросилась к телефону.

— Там действительно… Но откуда?..

— Спокойной ночи, Лена, — Ромас с облегчением выдохнул, и она услышала короткие гудки.

***

«А вы, кажется, увидели что-то интересное?» — в ушах звучал насмешливый голос. И еще… ее ладонь — в его руке…

Ромас вытянулся на раскладушке. Но даже невероятная усталость после обратной дороги на перекладных не помогала ему заснуть. Он чувствовал: надо снова подняться в башню. Возможно, там он сможет найти ответы. А что ему, собственно, надо понять? Как защитить эту девушку? Да как можно защитить ее, если она там, а он здесь и даже не знает, от чего ее надо спасать! Что-то пришло к нему во время их экскурсии, как всегда, не понятно как и откуда. Ему ни разу не удалось вызвать это ощущение по собственной воле. Информация сама отыскивала его, как если бы Ромас случайно заглянул в телевизор, проходя мимо.

Значит, встать и пойти к окну в старую башню. Но он ведь и так уже туда идет, вот только почему забыл прихватить меч? Отсутствие меча раздражало его. Что снова происходит в этой башне? Доколе князь будет мучить свою сестру — этому нужно положить конец, а он без меча! К тому же он заблудился — замок сам вел его куда-то по своим коридорам, комнатам, залам, совсем в другую от башни сторону.

Ромас остановился, на секунду выпадая из сна. Да нет же… он просто грезил наяву: эта история вовсе не его, она из пятнадцатого века. А сейчас совсем не пятнадцатый… А куда же он идет тогда ночью по замку, если не в башню? Разумеется, в библиотеку, куда же еще! Ведь там хранится труд всей его жизни, настоящая летопись…

Ромас огляделся: библиотека выглядела иначе. На полках стояли совершенно незнакомые книги. Например, вот этот толстый серый фолиант… Не успел Ромас дотронуться до него, как книга толкнулась ему на встречу. «Хроники Н-ских князей». Ага, вот он, результат его долгого кропотливого труда. Или не его? То есть совсем не его… Не важно, сейчас не важно.

Книга была заложена. Ромас попробовал раскрыть ее, но страницы будто слиплись между собой. Он дернул сильнее — и почему-то свалился на пол.

Ромас открыл глаза. Видимо, от резкого движения раскладушка сложилась сама собой — с ней такое случалось, а он действительно лежал на полу. Так спал он или не спал? Впрочем, какая разница. Вопрос был задан, ответ получен.

Значит, «Хроники Н-ских князей». Очевидно, хроники неофициальные, предания, легенды, а то он давно увидел бы их у Инги Казимировны. И гораздо более поздние, чем те документы, которые он изучал. Наверное, семнадцатый-восемнадцатый век. Надо спросить у нее… Хотя…

Утром его уже здесь не будет — Ромас принял решение. А Инге он напишет записку.

***

Все-таки хорошо возвращаться домой в субботу, а не в воскресенье, хорошо, что они не дали тетке уговорить себя остаться еще на денек. Никита потянулся. Выспаться в выходной — просто здорово. Рядом на подушке разметались светлые волосы Насти. Ее родители сняли для нее эту квартиру, чтобы Настя могла учиться в Т. Маленькая однушка с крошечной кухонькой усилиями девушки превратилась в уютнейшее местечко.

Вообще Настя — превосходная хозяйка, не то что Ленка. Все-таки мама слишком ее балует.

Вспомнив вчерашний день, Никита поморщился: было немножко стыдно. И чего он так взъелся на этого парня! Бывают варианты похуже. Видно же, что порядочность прёт из аспиранта через край. Все равно… Нечего выпендриваться… В конце концов, Никита отвечает за сестру. Он — старший. И всегда будет старшим.

Осторожно, чтобы не задеть Настю локтем, Никита взял со столика пульт и включил телек как можно тише. Ну вот, опять где-то жуткая авария — четыре легковых автомобиля, грузовик. Он сделал погромче.

«В девяти километрах от Н-ского шоссе на обычно спокойной почти пустой трассе между Н-ским замком и Т. около восьми часов вечера произошло крупное столкновение. Есть жертвы», — вещал диктор за кадром.

Никита так резко сел, что Настя вздрогнула и открыла свои огромные голубые глаза.

— Который час? — спросила она.

Никита не ответил и бросился к телефону. Ленка долго не снимала трубку, наконец, раздался ее сонный голос:

— Алле…

— Привет!

— Ты чего? Что случилось?

Никита замялся: незачем нервировать и без того мнительную девчонку. Авось дорожную хронику она не смотрит. И вообще, все это просто совпадение…

— Ничего, с чего ты взяла? Как спалось?

— Хорошо спалось, если бы ты не разбудил, было бы еще лучше. Что, Настя небось уж, на кухне хлопочет, варит любимому кофе?

— Нет, только проснулась, — Никита был поглощен своими мыслями и даже не почувствовал привычную иронию в тоне сестры.

— Это Леночка, да? Обязательно передай ей привет, — произнесла Настя, вылезая из-под одеяла, и действительно отправилась варить кофе.

— Тебе привет. Ну что, аспирант еще не звонил? — брякнул Никита просто так.

Однако сестра непривычно долго молчала, прежде чем ответить.

— Звонил, — наконец, коротко выдавила она. — Извини, мне надо в душ.

В трубке раздались короткие гудки.

Нет, что все-таки происходит? Обычно никакие «бой или гёл-френды» не создавали в их отношениях подобной стены, они всегда всё друг другу рассказывали и даже давали советы. Критиковать очередное увлечение позволялось обоим. А сейчас Ленка вообще отказывается разговаривать об этом типе! Ну и не надо.

— Поаккуратней можно? — рявкнул он на Настену, которая, придвигая к кровати стеклянный столик, пролила несколько капель из чашки.

Девушка молча отправилась на кухню за тряпкой.

***

Ленка только успела накинуть халат и умыться, когда раздался звонок в дверь. Посмотрев в глазок, она в недоумении повернула ключ. Через несколько секунд в ее прихожей уже стоял Ромас.

Нет, конечно, со вчерашнего дня в ней что-то неуловимо изменилось, но понятия о приличиях еще никто не отменял. Прийти утром, без приглашения, к малознакомой девушке, пусть она даже и не возражала против продолжения отношений… Адрес, разумеется, узнал по телефонному номеру. Неужели Никитка прав, и она дала повод думать, что к ней можно вот так заявиться?

— Вы, должно быть, ехали мимо?

Она старалась говорить как можно официальнее.

— Нет, Лена, я не ехал мимо, я ехал к тебе и собираюсь остаться. И знаешь что, давай переходить на «ты», так будет проще, согласна?

Такой наглости Ленка отродясь не видала. А может, он просто чокнутый? Да и вчера… Как она не заметила!

По-хорошему, надо выставить его за дверь. С кем-нибудь другим она так бы и поступила, но…

Парень уже разулся, и Ленке пришлось пригласить его в гостиную. Она показала на кресло, но он не сел. Выглядел он как человек, который на что-то решился и ему больше не до условностей.

— Ты не должна быть одна, я буду с тобой, это уже решено, — спокойно и четко произнес он.

— Это что, предложение? — бойкая на язык Ленка не знала, как реагировать.

— Что? А, нет, — тут он заметно смутился, — я сейчас о другом. Тебе грозит опасность.

Ленка поверила сразу. Наверное, выражение лица у нее стало испуганным, потому что парень добавил ласково:

— Предупрежден — значит, вооружен, верно?

Она пожала плечами. Значит, он приехал только, чтобы помочь? Еще минуту назад она размышляла, не выставить ли нахального гостя за дверь, а теперь ей стало даже обидно.

Вслух она спросила:

— Завтракать бу…дешь?

— Да, с удовольствием. Не успел перекусить, автобус был в пять часов.

Она принесла поднос с бутербродами, налила чай и поставила все на журнальный столик. Села напротив, стараясь стянуть поближе полы халата, на котором отсутствовала пара нижних пуговиц.

— Думаешь, я сумасшедший, да? — он как будто читал ее мысли. — Я просто боялся, что ты прогонишь меня раньше, чем я все объясню.

— Успею еще, подкрепись для начала.

— Спасибо. Но я понимаю, как это выглядит. Может, ты и права, и я не вполне нормален.

— А снаружи не видно.

— Да, снаружи… — Ромас задумчиво мешал ложечкой чай. — Это ты в точку. Как раз сегодня думал, пока ехал. Ты никогда не слыхала, что вещь изнутри может оказаться больше, чем снаружи?

— Ты говоришь про башню? Или про весь замок? Или просто про человека?

— Не только… Ладно, не будем отвлекаться, хочу рассказать кое-что, пока не пришел твой брат.

— Никитка? Он у своей девушки.

— Ты, наверное, уже заметила, что я… знаю некоторые вещи, хотя и не понимаю, откуда. Иногда и сам не замечаю, когда говорю то, чего не должен бы знать. С тобой так бывало?

— Ну, иногда... Вот встретишь человека — и уже знаешь, что он никогда тебе не понравится, а еще — кто звонит, прежде чем трубку возьмешь. Или что тебе скажут в следующую минуту.

— Вот так же случается и со мной, только теперь значительно чаще. Грубо это можно называть интуицией — но это все-таки больше, чем интуиция. Претендовать на ясновидение — смешно, к тому же я ничего такого не «вижу». Скорее это чувство-знание, что ли.

— И сейчас ты знаешь что-то обо мне, — деловито, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, произнесла Лена.

— Да, — как можно мягче ответил Ромас.

— И с какого момента ты это знаешь?

— Не могу сказать. Возможно, как только увидел, но скорее, когда вы собрались уезжать.

— Ну, и кто же мне угрожает, кому я нужна?

— Не кто, а что. Разве у тебя не было таких дней, когда на ровном месте подворачивалась нога, перед носом уходил трамвай? Короче, попадаешься в каждую яму, мимо которой обычно спокойно проходишь. А сейчас все серьезней.

— Но я этого не ощущаю. Ничего у меня пока не подворачивается. Я верю тебе, но…

Зазвонил телефон. Коротко поговорив, Ленка объяснила:

— Подруга. Засекла, что я дома, а я врала, что приеду только вечером. Зовет на день рождения к мужу, я отказалась.

— А почему?

— Ну, он своеобразный парень, добрый, но шумный, требует, чтобы все участвовали в веселье, что-то придумывает. Я не хочу сейчас.

Ромас задумался — пауза длилась минуту или две.

— Позвони и скажи, что придешь.

— А ты?

— Разумеется, идем вместе.

Ленка послушно взялась за трубку. Кажется, в ее жизни все встало с ног на голову. Пообещав Маше прийти, отправилась переодеваться, прикрыв за собой дверь.

Она сбросила халат, потянувшись за юбкой, но тут вдруг услышала, что во входной двери повернулся ключ. Накинув обратно халат, выглянула в коридор, а Ромас вышел из гостиной. Дверь открылась.

— Ну и что это значит? — брат с сестрой заговорили одновременно.

Позади Никиты маячила Настя.

Ленка сразу увидела картинку со стороны: она, запахивает на себе не застегнутый халат. Рядом — Ромас. Но решила ничего не объяснять, а сначала одеться, поэтому снова скрылась в комнате, а разборку слушала из-за закрытой двери.

— Что здесь происходит, я тебя спрашиваю! — орал Никита, испытывая праведный гнев.

— Мы собирались уходить, — ответ был спокойным.

— А ты что, на самолете сюда прилетел? Еще и двенадцати нет.

— Нет, приехал автобусом, — тон Ромаса оставался доброжелательным, что еще больше выводило брата из себя.

— Ну, я готова, — Ленка распахнула дверь и с обидой заметила, что Ромас даже не повернул головы в ее сторону, хотя и юбка, и блузка сидели на ней изумительно.

Нет, этот тип внимательно смотрел на Настю.

Та и впрямь выглядела очень мило, короткий сарафанчик подчеркивал красивые ноги. «Все вы, мужики, одинаковые, какими бы ни были умными, вам нравятся блондинки, — с горечью констатировала Ленка. — А вот возьму сейчас и не пойду с тобой никуда, и гуляй себе дальше по делам милосердия!»

— Ой, а пошли с нами в парк, — предложила Настена, и тотчас же с испугом посмотрела на своего любимого: вдруг в его планы это не входит?

Лена перевела глаза на Ромаса и сама чуть не рассмеялась — она практически повторила неуверенный Настин взгляд. Нет, в кого она превращается? Завтрак уже подает,

готова идти, куда скажут. Может, скоро научится, как Настена, тихонько плакать в углу, когда на нее орут?

— Мы идем на день рождения, — также ровно ответил Ромас.

Никиту тоже поразила Ленкина покорность. Еще никогда в жизни та не принимала решения, глядя кому-то в рот. Положа руку на сердце, брат вовсе не желал любимой сестренке Настиной доли. Впрочем, Настена сама виновата, никто не заставляет ее терпеть. Это так раздражает порой и только дает повод в следующий раз быть еще грубее... а после мучиться совестью.

— Во сколько вернешься? — Никита принципиально обращался только к сестре.

— Не знаю, — неуверенно ответила та.

Да что это с ней происходит? Может, этот аспирант — гипнотизер?

— Ой, а какую жуткую аварию в новостях показывали, аж несколько раз! — попыталась разрядить обстановку Настя. — Никита говорит, как раз по той дороге, где вы собирались ехать. Я как представлю только… Ой, даже думать не могу!

Ленке показалось, что ее ноги приросли к полу. Никита хмуро молчал.

— Ладно, мы пошли, — произнесла она первая и обратилась к брату:

— Вы остаетесь?

— Нет.

Все четверо вышли из подъезда. На долю секунды Никита замедлил шаг, намереваясь что-то спросить, но Ленка смотрела себе под ноги. «До свиданья» произнесли только Ромас и Настя, и пары направились в разные стороны.

***

Ромас предложил ей согнутый локоть, но Ленка сделала вид, что не заметила.

— Ну, как тебе Настя? — небрежно спросила она, — ты так внимательно ее разглядывал…

— Плохо, — без тени улыбки ответил тот. — По-моему, она манипулирует твоим братом.

Лена удивленно подняла брови. В принципе, она хорошо относилась к Настене, жалела ее и даже пыталась учить, как быть побоевитей. «Когда-нибудь Никитке надоест твое всепрощение, и он найдет себе жуткую стерву», — внушала она девушке. Но та только качала головой: «Я так люблю его».

И как можно было плохо относиться к ней после таких слов? Брат жил с Настей непривычно долго — почти два года. Но ведь она не давала ни единого повода, чтобы расстаться. И только сейчас, после слов Ромаса, Ленка подумала, что связь эта действительно походила на психологическую кабалу. Никита пару раз чуть было не завел новые отношения, но… «Настю жалко», — говорил он. И Ленка, и родители всегда были на стороне Настены, а мама даже возмущалась: «Как можно ее бросить?!»

Потом Ленкины мысли перескочили на аварию. Несомненно, Ромас все знал. Знал про аварию, про незапертую дверь и даже про то, что братец заявится утром.

— Ну, а что мы можем изменить? — без всякого перехода сказала она. — От судьбы не уйдешь. Помнишь, «дай Бог силы изменить то, что можно, и терпения принять то, что нельзя?»

— И мудрости, чтобы отличить одно от другого. Кажется, вчера что-то изменить удалось? Раз предупреждения поступают, значит, можно что-то сделать.

— И ты послан мне для этой миссии? — шуточно-высокопарным тоном проговорила Ленка, скрывая страх.

— Да, — без лишней скромности ответил он.

***

Инга Казимировна заперла дверь библиотеки. В руках она держала тяжелый фолиант в кожаном переплете. Библиотека замка была ее гордостью, ее детищем. Никто не сделал большего для этого собрания, никто не знал всех книжных жемчужин так, как она. Сегодня в замке было слишком много народу, но в ее кабинете — чудесная прохлада и тишина. Почему-то не видно Ромаса — обычно он заходит к ней до обеда, чтобы поздороваться и поговорить. А тут только записка на столе, причем никаких объяснений, одна лишь просьба. Но разве может она ему отказать? Инга сразу же отправилась в запасник, где хранились редко используемые и, в принципе, не слишком нужные книги.

Разговаривать с Ромасом они могли бесконечно — в этом парне она нашла полного единомышленника. Он тоже любил замок, библиотеку и историю. Да и просто был таким милым… У нее мог быть такой сын. Она поймала себя на том, что улыбается. Ромас бы очень обрадовался, узнав, что она нашла ему эту книгу.

Хотя в ней нет ничего ценного с точки зрения настоящей науки: попытки семейной хроники на основании сплетен, легенд и домыслов. Но не тех, которые давно превратились в исторические анекдоты и рассказываются экскурсоводами, когда публика заскучает. А практически неизвестные, очень нудные предания и неправдоподобные сведения, написанные в восемнадцатом веке старательным семейным историком для потомка Н-ских князей. Большинство из них никакого интереса не представляли: княгиня такая-то вышла замуж в таком-то году, и так далее. Но мальчик просил, и она нашла!

Инга Казимировна надела очки и полистала книгу. Кто-то оставил в ней закладку — причем заложил давно, бумажка совсем пожелтела. Она раскрыла страницу.

«До сих пор утверждают, что брат столь ревностно оберегал свою сестру, что никого из сватавшихся к ней не считал достойным ее руки. Злые языки утверждают, что он питал к ней не совсем братские чувства. Согласно легенде, умирая, он завещал ей свои колдовские книги, хранившиеся в той самой башне. И она оборачивалась то ласточкой, то совой, вылетая из башни».

Какая чепуха! А, тут есть пояснение.

«Эта легенда — полнейший вымысел. Князь Юхан и княгиня Анна жили в Н-ском замке после смерти матери еще около восьми лет. Затем Юхан женился и дал начало роду смелых охотников, один из которых — Эдуардас — впоследствии через удачную женитьбу сумел породниться с самим королем. Анна же жила в девстве и умерла за несколько дней до свадьбы брата».

Радует, что у этого дореволюционного историка присутствует и здравый смысл. Инга Казимировна уронила очки на книгу… Она и сама не заметила, как задремала.

На высокой башне, какой никогда не было в Н-ском замке, стоял человек. Инга Казимировна стала вглядываться в него, и изображение приблизилось, как будто она смотрела через бинокль. Это был Ромас. Она захотела крикнуть ему, чтобы он немедленно спускался, а то упадет. Но Ромас смотрел на дорогу и кому-то махал. Ага, это вон той черной сове, которая кружит вокруг башни. Наверное, это Анна, сестра Юхана. Раздался выстрел и чей-то стон…

Инга Казимировна резко подняла голову со стола. Это тяжеленая книга упала на пол и издала такой сильный звук, а стонала она сама. Вот это да — заснуть днем! Наверное, старость не за горами. И где же все-таки сегодня мальчик?

***

Они сидели в открытом кафе в парке. Несмотря на последние летние деньки, было жарко, а настроение у Никитки — совершенно подавленное. Еще никогда сестра так не предавала его. Конечно, раньше она и не влюблялась по-настоящему, а все ее увлечения были еще совсем детскими. Но — все равно. Он видел — Ленка не собирается делиться с ним своими чувствами. Что касается Ромаса, то сейчас он его просто ненавидел.

И ведь Ленка знает — она куда дороже ему, чем любая девчонка, даже Настя. Он так мало ценил Настю, а вот она сейчас здесь — любящая, верная, готовая все простить и быть рядом всегда. Никита посмотрел на девушку с нежностью.

Он никогда не был уверен, что Настя — женщина всей его жизни. Хотя она такая красивая. В первое знакомство его просто поразила Настина внешность. Все друзья ему завидовали.

— Что такая грустная? — примирительно начал Никита. До этого он несколько раз срывался на нее по мелочам.

Настя подняла на него свои чистые голубые глаза.

— Ничего, Киточка, тебе показалось, — поспешно заверила она, но голос ее едва заметно дрожал.

— Как тебе новое Ленкино увлечение?

— Несимпатичный парень, — Настя, говорила то, что хотел слышать Никита, но очень искренне. — И потом, все эти прибалты… Такие чопорные сухари, и постоянно кажется, что они тебя презирают.

Никита согласно кивнул в ответ.

— Нет, нашей Леночке он совсем не подходит, — продолжала девушка. — Она такая живая, такая веселая, вы с ней так похожи! А с ним она стала просто букой.

И этот тезис возражений не нашел.

— А знаешь, что? – неожиданно для самого себя произнес Никита. — Я тут подумал… Выходи за меня замуж! Хочешь?

От счастья Настины глаза стали еще огромней.

— Правда? Ты серьезно? Как же я люблю тебя, Киточка, родной!

Никита был слегка растерян собственным жестом, но решительность все еще не покинула его.

— Да. И знаешь что, не будем тянуть. Вот пойдем сейчас и подадим заявление.

— А то ты передумаешь? — странным и тихим голосом спросила Настя.

— Да что ты! Конечно, если ты не хочешь спешить…

— Нет, нет, давай сегодня. А что скажет твоя мама?

— Мама обрадуется. Она давно говорит, что лучше мне жены не найти.

— А Лена? — осторожно спросила Настя. — Ты ей скажешь?

— А что Лена! — разозлился Никитка. — С какой стати я буду о чем-то ее спрашивать! К тому же, ты ей нравишься. Она всегда утверждала, что я — скотина, а ты — ангел.

— Ой, скажешь тоже… Ты замечательный! Она просто этого не понимает так, как я.

***

Ромас поймал себя на мысли, что не знает, что делать дальше. Чувствовалась неловкость после глупых нападок Никиты, при том, что девушка нравилась ему с каждой минутой все больше. Значит, навязывая ей свое общество, он попадает в двусмысленную ситуацию. Но как оставить ее одну?

Да, и на сцене ведь появился новый персонаж — смазливенькая блондинка, достаточно внимательно следившая за ссорой, не вмешиваясь в нее.

Уверенность куда-то пропала, и ему уже казалось, что все происходящее — не более чем бред его больного воображения. Надо было куда-то двинуться, и день рождения показался вполне удачным вариантом. По крайней мере, будет время подумать.

Сидя в гостях, Ромас, стараясь отключиться от шума и музыки, попытался мысленно вернуться в замок, почувствовать его атмосферу. И замок откликнулся на его желание — он снова вел Ромаса, и тот уже знал куда. Вчерашнее видение повторилось, только при этом он ни на секунду не потерял чувство реальности. Он «вошел» в библиотеку, снова вынул серый фолиант. На этот раз книга раскрылась прямо по закладке, но текст разглядеть не удалось.

А ведь раньше у него не получалось ничего подобного! Надо скорее позвонить в замок. Если книга существует, то Инга ее найдет, а возможно, уже и нашла. И еще — разгадка действительно там.

***

Странные были эти несколько часов на дне рождении. Ленка представила всем Ромаса, как своего друга, а потом не знала, как себя с ним вести. Он ровно и приветливо общался с незнакомыми людьми, почти не пил и каким-то образом повел себя так, что шумный Машкин муж быстро отстал от него и в свое веселье не затянул. Ленке же пришлось отдуваться за двоих. Поэтому, когда пришло время уходить, она только обрадовалась.

Наступал вечер, но Ленка не знала планов своего телохранителя. Вести его к себе домой? Похоже, он и не предполагает иного. И раньше не слишком болтливый, ее кавалер выглядел чрезвычайно задумчивым. Так, молча, они дошли до подъезда.

— Да что такое… — она подергала ключ в замке, но он не поворачивался.

— Подожди, — Роман мягко отстранил ее и присел перед дверью на корточки, — зам***о***к, похоже, сломан.

— Как?

— Не знаю. Дверь придется отжимать.

У соседа по лестничной клетке нашелся инструмент. Дядя Витас, глядя, как орудует Ромас, хмыкнул в усы и сразу посерьезнел:

— Я бы позвонил в милицию.

— Почему? — поинтересовалась Ленка.

— Он прав, — Ромас поднажал и открыл дверь, — квартиру хотели вскрыть.

— С чего вы взяли? Возможно, просто заело зам***о***к, — девушка попыталась скрыть охватившую ее дрожь. — Хотели бы — взломали. Да и что у нас брать?

— Может, кто-то отвлек, — предположил сосед.

— Скорее всего, это случайный выбор… импровизация на тему «если никого нет дома», — сказал Ромас, когда они вошли в квартиру. — Не получилось открыть одну дверь, пошли к другой. Не удивлюсь, если завтра выяснится, что кого-то в вашем доме ограбили.

— Да, повезло нам. А ты говоришь — неудачная полоса.

— Однако квартиру выбрали именно твою. Кстати… если бы ты не смогла войти, то куда бы поехала?

— Не знаю… Ну, то есть, знаю — к Никите, к кому же еще. А что?

— Вот и я думаю — что это может значить? Кстати, надо поменять зам***о***к. До каких часов у вас магазины? Пойдем вместе, не надо оставаться одной.

— Бросить незапертую квартиру? Нет, я подожду здесь, ничего не случится.

Ромас, подумав, согласился.

— Ладно, я быстро, — сказал он, уходя.

Действительно, через час в двери уже стоял новый замок.

— Надо дать второй ключ Никитке, — озаботилась Лена.

Ромас подошел к телефону:

— Я могу от тебя позвонить по межгороду? Мне надо предупредить, что я здесь.

.

***

— Ромас, мальчик мой! А я уже начала беспокоиться. Где ты? — Инга Казимировна бросила взгляд на часы.

Рабочий день давно закончился, но она не уходила, хотя за ней уже приехала машина. Ромас обычно ночевал в замке, и она должна была убедиться, что он вернулся.

— Инга Казимировна, я в Т., в городе. У меня здесь неотложные дела. Не беспокойтесь за меня. Почему вы до сих пор не уехали? Срочно — домой.

— Почему я не уехала! Он еще спрашивает! И что тебя понесло в Т.? Ладно, потом расскажешь. А я тебе приготовила сюрприз. Нашла то, что ты просил.

— Вы имеете в виду ту книгу? Инга Казимировна, милая моя, спасибо!

— Только не знаю, для чего тебе понадобилась сия чепуха, дорогой мой. Абсолютно ненаучная литература. И притом весьма скучная.

— Это для вас скучная, а мне очень даже пригодится.

— Ну, скажи, милый, как может пригодиться тебе, например, такая история, — и Инга Казимировна, раскрыв книжку прямо по закладке и забыв, что разговаривает по межгороду, зачитала ему кусочек про Анну и Юхана. — Ну, о чем может говорить подобная летопись, даже если признать ее историческую правдоподобность? — продолжала она учительским тоном.

— Инга Казимировна, а где-нибудь еще, в другой литературе о замке, вам не попадались сведения о князе Юхане, его сестре, жене или что-то еще?

— Нет, мальчик. Очевидно, даже историки не сочли это интересным.

— Однако все это странно. Я имею в виду не глупые вымыслы, а факты, которые сообщает летописец. Почему сестра умирает перед самой свадьбой брата?

— Кто может это знать? Возможно, она уже была больна. А может, так привязана к своему брату, что умерла от тоски и ревности.

— Инга Казимировна, ну вы же ученый! Диагноза «тоска и ревность» не существует. Должен быть чисто научный факт — причина смерти Анны.

— Попробуй порыться в других хрониках, может, там что-то и упомянуто, но вряд ли.

— Вы мне поможете?

— Я сделаю тебе подборку литературы. Но большего не проси. Прости, дорогой, мне кажется это чепухой, которая отвлекает тебя от диссертации. А ведь защита не за горами.

— Инга Казимировна! — голос Ромаса изменился так, что она прервала свою лекцию. — Менее всего меня волнует сейчас диссертация. Оставьте книжку у себя в кабинете, хорошо? Я скоро приеду обратно — пожалуйста, предупредите охрану.

Ромас положил трубку, и несколько секунд стоял неподвижно.

***

— Ты уже уезжаешь? – вежливо спросила Ленка.

Она почти не слушала его научный разговор и была разочарована — ей казалось, что в их отношениях что-то должно измениться к большему. И в то же время испытывала странное облегчение — по крайней мере, сегодня уже не надо думать, как себя с ним вести. Ей было страшновато остаться одной, но она решила, что позвонит Никите и попросит его прийти. После истории с дверью он вряд ли откажет.

— Нет, мы уезжаем вместе, — прозвучал ответ.

— Но… Я не могу уехать. Как это будет выглядеть?

— Какая разница, как это будет выглядеть?

— Но что скажет Никитка?

— Лена. Послушай меня, пожалуйста. Это очень важно. Ты не должна говорить Никите, куда едешь. Подожди, не возражай. Не звони ему. Напиши записку, что ключи у соседа, подсунь ее под дверь. Сообщи, что я вернулся в замок, а ты не хочешь ночевать одна и поехала к подружке. Выбери такую знакомую, чьих координат он не знает. Мобильник «забудь» на видном месте.

— И для чего такая таинственность? — она не смогла скрыть изумления.

— Просто я растерян. И не знаю пока, что делать, от чего прятаться. Знаю только одно — твой брат не должен сейчас мешать. А он или не даст тебе уехать, или рванет следом.

Ленке показалось, что Ромас чего-то не договаривает. Она замешкалась, в сомнении глядя на него. Однако поспешность, с которой Ромас решил уехать, его взволнованный, тревожный голос уже подействовали на нее. Ленка заметалась по комнате. Что взять с собой? Зубную щетку. Так, что еще… Ночную рубашку? Интересно, как это все будет? И надо ли ей попадать в такую ситуацию? Может, наотрез отказаться? Он так ведет себя, словно возражения не принимаются. Но она самостоятельный человек, со своей жизнью. В конце концов, у нее были планы на завтра, Ленка собиралась посмотреть расписание в универе.

Все это верно, но… Она верила Ромасу, не могла не верить. Доверяла ему полностью и… при этом продолжала побаиваться его. И еще. Он очень сильно ей нравился.

Ленка нашла ручку и послушно сочинила записку. Вот только разве можно не сказать брату, где она? Такого еще никогда не бывало. Он будет беспокоиться, думать неизвестно что. Пока еще обнаружит записку, ключ и мобильник, — сойдет с ума от волнения. Было и еще кое-что: Ромас совершенно не вписывался ни в какие ее понятия. Нет, брат должен знать, где она, на всякий пожарный.

— Готова? Автобус через сорок минут, надо поторопиться.

Лена сложила записку в несколько раз, взяла ключи, чтобы отдать дяде Витасу, и они вышли из квартиры.

***

В автобусе она снова задумалась про Н-ский замок.

— А о чем ты пишешь в своей диссертации?

— Не боишься спрашивать? А то сяду на своего любимого конька, и…

— Ну и садись, мне интересно.

— Ладно. Понимаешь, когда я взял эту тему для диссертации — «Влияние века на архитектуру»… Попробую в двух словах объяснить. Естественно, интересовало меня не то влияние, которое зависит от техники или технологии, а то, что называется модой, склонностью к определенному виду красоты. Что такое, собственно, влияние века? Результат психологии конкретных людей, живших в то время, их характеров и предпочтений.

— Я где-то читала, — перебила Ленка, — что время и само по себе может влиять на людей. Если рассматривать историю, как путь, движение.

— В таком случае, у истории две дороги — вверх и вниз. Так на каком этапе этих дорог находился человек в пятнадцатом веке? Что рассказывают стены о том, что он думал и чем жил?

— Ну, археологи и историки уже давно это выяснили.

— Ага, выяснили… Выяснили, каков был политический строй, какими предметами утвари пользовались, насколько совершенно было их оружие, чем питались. Но душу, мысли, чувства! Одинаково ли мыслил человек в любое время, если отмести различия в знаниях и научных открытиях? Тот же самый человек — житель пещер, средневекового

замка и современного города? На каких поворотах этих дорог что-то менялось в людях? Когда им стали доступны истины, к которым они не были готовы ранее и почему?

— Да разве можно ответить на эти вопросы!

— А без этого нельзя понять — где мы сейчас и в какой точке истории. Я объясняю сумбурно?

— И что? Ты сумел что-то понять, узнать?

— Узнать — нет, скорее почувствовать. Но это так просто уже не расскажешь…

— А почему у тебя нет мобильного телефона? — без перехода спросила она.

— В замке он может мешать, — коротко ответил Ромас.

За автобусным стеклом начало моросить. Глаза у Ленки слипались, и она сама не заметила, как заснула, и поэтому почти не ощутила долгой дороги. Заснула, как потом поняла, у Ромаса на плече, а он ни разу не пошевелился, чтобы изменить положение, хотя рука у него наверняка затекла. Вышли они уже в совершеннейшую тьму. Небо к вечеру заволокло, и звезд на нем не было видно, только на воротах замка светились дежурные фонари.

Охранник пропустил их, не задавая вопросов. Было что-то жуткое в том, что они заходили ночью в совершенно пустой замок. Все самое страшное, включая истории про привидения и оборотней, вспомнилось ей, когда она, озираясь, ждала, как Ромас отопрет служебную дверь.

Но с ним она чувствует себя защищенной. Ромас знает весь замок как свои пять пальцев, он дружит с замком и не позволит этим стенам обидеть ее. Только — чего ждать от самого Ромаса? Насколько хорошо она знает его — кажется, второй день? Это безумие, просто безумие! Как она могла оставить мобильник, без которого все равно что без рук? Чтобы ее не нашел — кто?

И все-таки она здесь, убежденная, что не могла поступить по-другому.

Если быть честной до конца, что она здесь делает? Ищет защиту от неведомых неприятностей или рассчитывает на романтическую историю: он и она, вдвоем, в замке? А не будь Ромас Ромасом — разве не осталась бы она дома, как бы ее ни уговаривали?

Парень включил свет в административной части здания и провел ее в один из кабинетов. Ленка сразу решила, что здесь обитает старая дева. Большая синяя ваза на льняной салфетке, горшочки с цветами на окнах, вязаная кофта необъятных размеров на кресле у стола, а на столе — огромная лупа. И книги, книги… Книги на тумбочке возле стола, книги на столике для посетителей, на маленьком, стоящем в углу холодильнике, и даже на полу.

Первое, что сделал Ромас, — бросился к раскрытому на столе фолианту и принялся жадно читать. Потом перевернул страницы, глянул мельком и закрыл книгу, заложив нужное место. Вид у него был и взволнованный, и расстроенный.

— Ты проголодалась? Теперь уже я буду кормить тебя бутербродами, — наконец прервал молчание он, включая электрический чайник.

Они перекусили, и только тогда Ленка поинтересовалась:

— А где же ты спишь?

— Не здесь, конечно. Это кабинет моей хорошей знакомой, можно сказать друга и наставника. Она по доброте своей разрешает мне здесь завтракать и ужинать. А обедаю я в буфете, в пристройке, видала? Ах, да, вчера же там было закрыто.

Вчера? Ленке казалось, что с их первого посещения музея прошла целая вечность. Ромас встал и позвал ее за собой. Теперь они шли в старинную часть замка. Хотя Ромас включал свет в каждом коридоре по ходу их продвижения, Ленка боялась увидеть за очередным поворотом прозрачную белую фигуру или услышать потусторонние звуки.

Как ей показалось, они зашли очень глубоко внутрь музея, прежде чем Ромас отодвинул задвижку на темной массивной двери, включил свет и пропустил ее в маленькое помещеньице. Комнатка была узкой и вытянутой. Полукруглый потолок и стены окрашены в серовато-бежевый цвет. В самой глубине, под небольшим окошком готической формы,

стоял обычный современный письменный стол, занимая все место от стены до стены. Вдоль левой стены был выступ — тоже каменный, как будто выросший из самой стены — очевидно, подобие кровати. А вдоль правой стояла разобранная раскладушка, на которой лежала смятая постель.

Ромас начал суетливо прибираться, накрыл постель видавшим виды покрывалом. Она села на раздолбанную табуретку возле стола.

— Слушай, у меня здесь нет свежего белья, не побрезгуешь спать на моем? — вид у него был смущенный.

Она пожала плечами.

— Да ладно… А ты… ты где будешь?

— Я у тебя одну подушку заберу, и вот здесь посплю, — он показал на каменное ложе. — В конце концов, монах как-то здесь спал.

И добавил торопливо:

— Если не возражаешь, конечно.

Ленка обрадовалась, что Ромас собирается остаться с ней. Представить себе, что он идет спать куда-нибудь в кабинет, бросив ее одну… Брр…

— У меня тут даже приемник есть, только я его никогда не включаю, — разрядил тишину он.

— Значит, до тебя тут жил монах? — улыбнулась Ленка. — И правда, выглядит как келья монаха.

— Или аспиранта-одиночки, — улыбнулся Ромас. — Впрочем, монах здесь жил примерно с той же целью, что и я, и значительно позже, чем в средние века. Его пригласили писать летопись семьи. Удивительно, но именно его книгу я смотрел сейчас в кабинете.

— Послушай… Ну, а что дальше? В смысле, от чего ты меня прячешь и как долго надо… Понимаешь, у меня скоро занятия начинаются, и я собиралась…

— Если бы я мог сказать точно, — он с досадой поморщился. — Двигаюсь на ощупь, с закрытыми глазами… Одно обещаю: попробую все понять и выяснить побыстрее. Но нам нужны хотя бы пару дней изоляции, чтобы никто не мешал, чтобы картинка стала четкой. И ты должна быть все это время со мной…

— И что ты собираешься делать?

— Делать? А, в этом смысле… Сделать я ничего не могу, разве что физически охранять тебя. Я собираюсь думать и надеюсь что-то услышать. Мне нужна помощь окна… И еще я думал, что найду кое-что в книге.

— И расстроился, потому что не нашел?

— Нет, скорее потому, что нашел, — быстро проговорил Ромас и перевел разговор:

— Скажи, а что ты думаешь про наше окно?

Он сказал «наше», и тепло разлилось у нее внутри.

— Возможно, окно — это выход наружу? Или в другой мир. Или в пятнадцатый век.

Ромас усмехнулся:

— Я тоже люблю фантастику. Но здесь нечто иное. По-моему, окно вполне реально располагается в нашем мире. Ведь звезды на небе есть всегда, их просто не видно днем. Есть много вещей, которые мы не видим. Окно может увидеть только тот, кто способен еще что-то увидеть. Думаю, это благодаря окну у меня появились кое-какие знания. Есть подозрение, что некоторые эпизоды из прошлого как-то связаны с настоящим, не прямо, досконально, но… по касательной, что ли.

Ленка устала сидеть на неудобной табуретке, и пересела на раскладушку. Ромас был теперь напротив нее, очень близко. Бардовая рубашка с короткими рукавами обнажала его крепкие руки.

— Садись ко мне, — повинуясь внезапному порыву, сказала она.

Еще никого и никогда она не приглашала вот так сесть рядом с собой…

Ромас странно посмотрел на нее, но встал и молча пересел к ней. Однако не обнял, только накрыл ладонью ее руку, слегка сжав пальцы. Ленка подняла на него

вопросительный взгляд. Но он смотрел не на нее, а прямо перед собой. Даже головы не повернул. Вид у него был задумчивый и… непонятный.

Возможно, у него кто-то есть, мелькнуло у нее в голове, — жена, невеста? И как она сразу об этом не подумала! Но ведь еще вчера Ленка точно знала, что нравится Ромасу. Или — нет? Или его внимание к ней вызвано исключительно научным интересом? Нашел новый объект для проверки своих теорий и… Ей стало просто физически больно от этой мысли.

Она резко выдернула руку.

— Я хочу спать.

Ромас встрепенулся, как будто его разбудили.

— Прости… Я думал, мы еще поднимемся сегодня к окну.

К окну? Это мысль. Еще одно путешествие по замку, и, быть может, там он посмотрит на нее по-другому?

— Давай, — согласилась она.

Они вышли из кельи и снова отправились блуждать по замку, пока не дошли до винтовой лестницы. Ромас, как и в прошлый раз, хотел помочь, но Ленка сделала вид, что не заметила его протянутой руки, и принялась взбираться сама. Когда они поднялись и ступили на деревянный пол, Ленка посмотрела на парня, желая убедиться, что он огорчен, однако лицо его светилось восторгом и радостью.

Ромас смотрел наверх и, словно вылезший из воды пловец, старался надышаться этим воздухом, набраться кислорода для следующего погружения. Видно было, что он совершенно счастлив здесь, и для этого счастья ни в ком не нуждается.

У Ленки же на душе стало совсем темно. Она тоже подняла голову и… увидела ровный башенный свод. Никакого окна, отверстия, звезд, даже намека на это. Можно было разглядеть каждое бревнышко, вплоть до самой верхней точки купола. Поверить невозможно, чтобы здесь когда-то сияло окно! Только фонарик Ромаса освещал помещение тусклым, слабым лучом.

— Окна теперь нет, или это другая башня? — удивленно спросила она.

— Как — нет? — изумление Ромаса мгновенно перешло в тревогу. — То есть ты его больше не видишь?

— Я хочу сказать, что его нет, а не что я его не вижу! — упрямо произнесла Ленка.

— Но я-то вижу. И ты его видела в прошлый раз. Ты что, не веришь себе?

— Не знаю. Возможно, мне показалось, с твоих слов.

— Вот значит что… Это плохо, Лен. Что-то идет не так.

— Что идет не так? Может, у тебя обман зрения или галлюцинации? Потому что со мной-то как раз все в порядке!

Она знала, что сейчас особенно похожа на Никитку, на те его черты, которые сама терпеть не могла. Но раздражение и обида искали выхода. И виноватого.

Ленке хотелось, чтобы Ромас возмутился, повысил голос, как это делал брат, когда они начинали спорить. Но парень молчал. Ленку просто выводила из себя его сдержанность. Этот аспирант — высокомерный чурбан! Прав был Никитка. Как это она поддалась влиянию, сказкам, фантазиям?

— Пойдем спать, — сказал Ромас, как-то грустно и ласково, как больному ребенку.

***

Когда они начали спускаться по винтовой лестнице, оказалось, что внизу совсем темно. Похоже, перегорела лампочка в конце коридора, которую Ромас оставил включенной. Фонарик несколько раз мигнул и тоже погас — батарейка, что ли, села? Пришлось продвигаться на ощупь, и Ромас взял ее за руку, — на этот раз Ленка не возражала. Темноты как таковой она не боялась, но сейчас стало страшновато, и еще немного знобило.

— Сейчас… за поворотом есть выключатель, включим свет в большом зале, — успокоил ее спутник.

Через большой зал они каждый раз проходили по дороге к башне. Ромас пошарил рукой на стене и чертыхнулся.

— Да где же он?

— Выключатель не можешь нащупать?

— Не то чтобы не могу… Его просто нет.

— Посмотри, там где-то свет… — Лена указала в боковой проход, который проявлялся в кромешной тьме, — пойдем туда?

— Лучше не давать круги, я знаю дорогу наизусть, — Ромас уверенно и быстро тянул ее через зал.

Ленка невольно оглянулась и чуть притормозила. Свет из бокового прохода казался каким-то неправильным. Она не могла объяснить, в чем дело, просто электрические лампочки так не горят. Так горят факелы, свечи — это был живой огонь.

Однако ее спутник словно ничего не замечал, и Ленка, повинуясь его властной руке, уже почти бежала с ним через зал. Но не успели они дойти и до середины, как послышался шум, топот тяжелых каблуков и металлический звон. Через несколько секунд в помещение вбежали несколько человек. В руках у одного из них был факел, и он зажег от него факелы на стенах зала.

Казалось, это какой-то сон. Факелы, люди в странных одеждах… Но ничего этого осознать она не успела. Страх, только страх наполнял ее. И боялась она не только и не столько необъяснимости происходящего. Ленке казалось, что ее в чем-то уличили или поймали на месте преступления.

Ромас сориентировался быстрее, дернул ее за руку, и они рванули назад — к башне. Но и путь туда уже был отрезан здоровяком с мечом. На его груди висела огромная бляха, вес которой наводил на мысль о физической мощи ее обладателя.

Никто из этих людей не походил на привидения. Однако все внимание приковывал к себе другой человек. Сразу стало понятно, кто здесь хозяин. Пока слуги суетились, зажигали факелы, звали друг друга, он молча стоял, скрестив на груди руки, и его пылающий взор лучше всяких слов говорил, что его чувства оскорблены, а доверие самым подлым образом обмануто.

Одежда, наводящая на мысль, что он достал ее из витрины музея, свидетельствовала о том, что его недавно подняли с постели: кафтан был накинут на нижнее белье. Однако меч он прихватить успел, и рука его лежала на рукоятке, готовая выхватить его в любой момент. В неверном свете факелов можно было разглядеть, что мужчина молод и очень хорош собой, однако черты его лица выдавали крайнюю степень властности и болезненную гордыню.

Но когда он, наконец, заговорил, голос его прозвучал печально и мягко. Мужчина смотрел Ленке прямо в глаза, и этот взгляд пробирал ее до печенок. Она отвернулась, не в силах его выдержать.

— Анна, милая Анна… — упрек, звучавший в его голосе, отчего-то был невыносим Ленке. — Скажи мне, кто этот человек и успел ли он тебя обидеть. От твоих слов будет зависеть его участь.

Ощущение сна или бреда не проходило, но хуже всего было то, что какой-то своей частью Ленка принадлежала не себе, а тому самому бреду или сну. И только крепко сжатая рука Ромаса заставила ее произнести:

— Я не Анна… Я не понимаю, что здесь происходит, — и лишь договорив последние слова, осознала, что и она сама, и этот мужчина, и окружающие люди, говорят не на русском языке. Это был даже не коренной язык Ромаса, который она старалась изучить за те несколько лет, что они жили здесь с родителями. А какой-то древний, смесь польского с местным наречием. И все-таки она говорила и понимала, что говорят ей.

— Я задал тебе всего два вопроса. И ты не ответила ни на один из них, — голос стал еще тише и грустнее.

Мужчина сделал знак, и стражники немедленно оттащили от нее Ромаса. Ленка в страхе оглянулась на него: Ромас был бледен, губы крепко сжаты. Сделать он ничего не мог, но, прежде чем его уволокли, крикнул ей:

— Не бойся, только не бойся!

— Позовите сестру Йоанну, — произнес мужчина так же тихо.

Несколько минут все стояли молча, ожидая, пока приведут высокую женщину в черном монашеском платье. Хозяин сделал ей знак, и та подхватила Ленку под локоть. Хватка у нее была совсем не женская, и Ленке стало больно. Она попробовала вырвать руку, но тщетно.

— Дорогая Анна, сестра моя! — все так же мягко, но четко проговаривая слова, провозгласил мужчина. — Ты знаешь, что нет для меня на свете никого дороже тебя, а за твою честь я готов отдать свою жизнь. После смерти наших родителей именно на мне лежит ответственность за спасение твоей души. Умирая, как ты помнишь, наша мать взяла с меня слово, что ты примешь монашеский подстриг, дабы искупить грехи нашего семейства усердными молитвами. Но я не смог расстаться с тобой и решил сам подобрать тебе достойного мужа, который вознесет тебя на высокую ступень добродетели, подобающей нашему роду, или же, если подобный муж не найдется, беречь тебя и всячески охранять от греха. Однако своим неразумным поведением ты заставляешь меня усомниться в правильности моего решения. Сегодня я окончательно убедился, что ты лгала мне все эти дни, утверждая, что, вопреки доносам преданных мне людей, не имеешь намерений покинуть этот замок самым дурным образом. Посему я настаиваю, ответь мне: как зовут этого человека, и сколько зла он успел причинить нам?

Лена ошарашено молчала. Она поняла только одно: Ромас ошибся, окно действительно привело их в пятнадцатый век! Здесь ее принимают за другую, и эту другую ждут крупные неприятности. А что ждет Ромаса, можно только догадываться. А может, ей просто снится кино? Знакомый сюжет, исторический фильм. Такое бывает. Вроде как ты — герой этого сна, но и видишь себя со стороны, а при этом все еще помнишь, что ты — это ты. Или это какой-то хорошо продуманный розыгрыш. Но откуда тогда странное ощущение, что этот человек — действительно ее брат? Он совершенно не похож на Никитку — ни внешне, ни… хотя… что-то общее есть, но вот что?

Осознав, что «сестра» решила отпираться и дальше, хозяин вновь подал знак, и грубая монахиня поволокла ее по коридорам замка. Ленка даже и не пыталась сопротивляться. Куда она может бежать — здесь, в незнакомом ей столетии? Смешно, но ее привели в ту самую келью монаха, в которой они собирались ночевать с Ромасом. Не похоже, чтобы это была комната неизвестной Анны, за которую ее принимали; скорее, ее решили запереть здесь, как в карцере. Конечно, ни стола, ни приемника, ни раскладушки здесь быть не могло — одно только каменное ложе, и старая медвежья шкура на нем. Дверь закрылась, и засов задвинули.

Ленка осталась одна.

***

Она очнулась от сна-забытья. Все ее кости болели от жесткого ложа, было холодно. Сначала ей показалось, что она проснулась, и бред окончился, но, оглянувшись вокруг, с унынием констатировала, что страшный сон продолжается. Толстая заплывшая свечка, стоявшая на грубом металлическом подсвечнике, уже погасла. Но в готическое узкое окно пробивался свет — на улице рассветало.

Ленка бросилась к окну, но ничего не увидела, так как оно выходило на стену одной из башенок. Тут она неожиданно осознала, что одета отнюдь не в джинсы и блузку, а в довольно затейливое и неудобное платье. Что было у нее с волосами, без зеркала она понять не могла. Встав и оглядев себя, она даже почувствовала странное удовольствие: платье оказалось невероятно красивым, из вышитого вручную атласа, и украшенное, как она подозревала, драгоценными камнями.

Похоже, эту Анну не держат здесь в черном теле. Постойте-ка, причем тут Анна? Как и в какой момент это платье оказалось на Ленке? Причем обуви на ней не было, и она только сейчас поняла, как у нее замерзли ноги. Ага, вот и обувка, стоит возле каменного ложа. Ленка засунула ноги в золоченые туфли и поморщилась, до чего тяжелыми, грубыми и неудобными они ей показались.

Вчера она не помнила даже, как разувалась. Сознания она не теряла, но, как только осталась одна, кажется, сразу упала на каменную кровать и моментально заснула. Наверное, организм сам себя защитил от ужаса одиночной камеры, не давая осознать происшедшее в полной мере.

Тут заскрипел засов, и тяжелая дверь распахнулась. Все та же монахиня! Теперь Ленка смогла получше ее разглядеть. Высокая, прямая, с крупным носом и тяжелым подбородком, она почти упиралась в потолок темницы. Лена помнила, какой силы у нее хватка. Но глаза смотрели незлобиво, можно даже сказать, кротко и немного отрешенно. Ленке она напомнила собственную тетку — не внешне, а каким-то несоответствием между внешней грубостью и искренней набожностью.

— Прочтем утреннюю молитву, дитя мое. Тебе необходимо благодарить Господа за то, что твой брат вовремя уберег тебя от ужасной опасности, — голос у сестры Йоанны был под стать внешности, хриплым и низким.

Она начала читать молитву на латыни. Лена не слушала, она думала про Ромаса. Она забыла, что когда-то сердилась на него. Это было в другой жизни… Дорогой, единственно нужный ей сейчас человек, один, неизвестно где, в этом жутком пятнадцатом (кажется) веке! Сможет ли он ее спасти? И кто спасет его самого? И… жив ли он еще?

От этой мысли у нее похолодело сердце. Нет, Ромас жив, про другое она и думать не сможет.

Но что будет с нею самой? Паника, должна быть паника... Вот сейчас она начнется, сейчас… Но паника почему-то не начиналась. Ни психика, ни организм никак не реагировали на происходящее, испытывая лишь чувство глубокого погружения в нечто нереальное. Ленка почти погрузилась в прострацию под монотонное бормотание монахини, но слишком громкое «аминь» заставило ее вздрогнуть. Она решилась задать вопрос:

— Скажите, сестра, что станет с тем человеком, с которым меня поймали ночью?

Монахиня укоризненно посмотрела на Ленку.

— Ах, дитя мое, неужели ты не понимаешь, что тебя не должна интересовать судьба этого подлого обманщица, нечестивца, решившего воспользоваться твоей наивностью и твоим несчастным положением… — тут она ахнула, поняв, что сказала что-то не то, и зачастила:

— Он сумел настроить тебя против твоего спасителя — нашего любимого князя Юхана, который так тебя любит. Молись, молись, чтобы снова не впасть в искушение. Тебе надо искренне покаяться перед Господом и твоим братом и назвать имя злодея, который решился освободить… то есть выкрасть тебя из замка. Кто он, есть ли у него титулы, откуда он? Никто не узнал его, и только ты можешь сказать его имя.

— Его зовут Ромас, это имя что-то тебе говорит? — ответила Ленка, незаметно для себя входя в роль Анны.

Или она все-таки и была этой Анной — какой-то частью души? Вот так бред…

Как ни странно, ей показалось, что названное имя что-то значило для монахини. Тогда Ленка продолжила:

— Скажи мне, сестра, не долг ли твой служить только Богу и истине? Для чего ты здесь? Почему служишь моему брату и восхваляешь его? Разве богатство и род — сами по себе добродетели? Разве не может быть, что моя попытка сбежать — куда меньший грех, чем жестокость и тирания князя?

Ленка вошла в роль и даже получила удовольствие от своей речи. Она вдруг почувствовала, что не все еще потеряно. Все-таки пять столетий разницы должны были чем-

то вооружить ее — интеллектуальным оружием, что ли? Она догадывалась, что монахиня сочувствует ей, то есть Анне. Может, удастся уговорить ее передать весточку Ромасу?

Однако сестра Йоанна была поражена. Видимо, настоящая Анна никогда не произносила столь дерзких речей, к тому же, душа монашки действительно была не на месте.

— Разве ты не знаешь, дитя мое, настоятель прислал меня сюда исполнять послушание. Он, а не я, знает, зачем я здесь и что должна делать. Послушание не обсуждается, иначе это не послушание. Я должна жить при тебе, и это на мне лежит вина за прошедшую ночь. Не вовремя я заснула, утомленная вчерашним трудом… Ох, прости меня, Господи, негодную, я еще и жаловаться умудряюсь… Помолимся вместе о нашем благодетеле, князе Юхане!

— Подожди, я не понимаю. А если приказ твоего настоятеля будет противоречить воле Бога? Кому ты должна подчиняться?

Но тут, видимо, Ленка переборщила. Монахиня вскочила:

— Как может приказ Божьего слуги противоречить воле Господа? Молись, сестра моя, я вижу, нечистый поселился вчера в твое сердце, озлобив его, отняв твою кротость. Я должна проводить тебя к князю Юхану, но сначала тебе следует переодеться. Я отведу тебя в опочивальню. Отныне велено, чтобы я была при тебе днем и ночью.

Она снова схватила Ленку за локоть почти так же крепко, как и вчера, и они отправились в другую часть замка. Пройдя по коридорам, они поднялись по винтовой лестнице на второй этаж.

Ленка пыталась припомнить, видела ли она эту комнату раньше, когда они ходили на экскурсию с Ромасом. Ей показалось, что да. Кажется, в этом большом светлом зале на витринах стояли древние кубки и лежали монеты, найденные при раскопках.

Сейчас здесь находилась очень красивая деревянная резная кровать с тяжелым пологом и столик вроде будуарного, только «будуар» — это уже из другого, более позднего века, — а один из роскошных стульев Лена даже узнала — видела в первый день в музее где-то внизу. Кроме того, в комнате стоял огромный кованый сундук, а на столике — необыкновенной красоты драгоценные шкатулки. Сравнив все это с местом своей ночевки, Ленка осознала, что брат подверг Анну по-настоящему жестокому наказанию.

Йоанна сняла с полки в углу кувшинчик и выжидающе глядела на Ленку. Та подошла к богато инкрустированному металлическому сосуду, по форме напоминающему современный тазик. Началось умывание, причем монахиня прислуживала Ленке, как царице. Это удивляло.

— А у меня есть… То есть, где моя служанка? — спросила Ленка.

— Дануте больше не сможет приходить к тебе. Он думает, именно она помогала твоему бегству.

— И что с ней теперь?

— Ее накажут, она уже в колодках с самой ночи.

Ленка живо представила колодки, которые видела во дворе замка: деревянный брусок, три выемки для головы и рук закрывались сверху другим бруском на запор, так что человек в согбенном состоянии не мог и пошевелиться.

— И такую жестокость ты тоже оправдываешь? — в ужасе спросила она. — Ведь эта Дануте ни в чем не повинна!

Монахиня снова удивленно посмотрела на нее.

— Князь накажет бренное тело служанки, дабы она раскаялась, и спасла свою душу. Если же греха на ней нет, напрасное страдание принесет ей награду на небесах.

Очевидно, Ромас был прав, рассуждая о влиянии века. Жестокость не казалась жестокостью, была естественной и невинной. Причиняя зло, думали о добре. Или — переворачивали добро с ног на голову?

Неловко, но надо попроситься в туалет. И вдруг она поняла, что не может это сказать на нынешнем своем языке. «Туалет», «сортир» и «дамская комната» — эти слова в нем

отсутствовали. Каким-то образом она сформулировала свою нужду. Даже не переменив выражения лица, Йоанна достала из-под полога серебряный сосуд. «Ночная ваза», — в ужасе догадалась Ленка. Когда с неприятными моментами было покончено, Йоанна предложила ей переодеться. На это Ленка ответила отказом — ей нравилось это платье и не хотелось заниматься застежками.

— Я только хочу причесаться. Где здесь зеркало? — и Ленка посмотрела в сторону столика.

— Садись, дитя, я помогу тебе, — и Йоанна дотронулась до ее головы, легким движением доставая из волос драгоценную булавку.

Волосы рассыпались по плечам, и Ленка с удивлением поняла, что они стали длиннее сантиметров на тридцать. Она рванулась к зеркалу, глянула в него и… впервые в жизни чуть не упала в обморок. Жесткие руки Йоанны подхватили ее. Из зеркала на Ленку смотрела совсем молоденькая бледная рыжеволосая девушка. У нее были карие печальные глаза, высокий белый лоб, точеный нос и маленькие губы. Девушка была по-своему красива, но… это была не Ленка.

***

Что же произошло? Ноги и руки, закованные в цепи, не так мучили его, как этот вопрос. Все его мысли остались там, наверху, с Леной… Сосредоточиться в этой мерзкой вонючей яме было трудно, но надо постараться. Итак, девушке угрожала опасность. О характере опасности как будто предупредила книга. Но Ромас и представить не мог, что эта опасность связана с присутствием Лены в замке, что история втянет ее, чтобы… убить? Ведь он, напротив, рассчитывал с помощью замка и его истории обнаружить, что угрожает девушке в реальной жизни.

Впрочем, то, что сейчас происходило, тоже было не понарошку. В какой же момент они оказались в прошлом? Ромас напряженно вспоминал. Вот, Лена сказала, что не видит «окна», что-то несправедливое и нечестное. Когда они начали спускаться, лампочка уже не горела. А когда помещение осветили, и на них обоих, он сейчас это точно вспомнил, уже была чужая старинная одежда.

Дальше. Девушку принимают за Анну. Вряд ли это объясняется внешним сходством, да и вероятность такого сходства ничтожна. Значит, все эти люди действительно *видят* не Лену, а Анну. Но он сам продолжает воспринимать ее как Лену. А кто же тогда он сам и какая у него роль? Пришелец из будущего или историческое лицо из средневековья?

Если бы он был пришельцем, одежда его осталась бы прежней, из двадцатого века. Но и здесь его никто не признал. Правда, допроса по всем правилам, слава Богу, пока не было, но надо думать, ждать осталось недолго. Какие там были пытки? Ромас вспомнил собственную экскурсию по замку. Кажется, сначала испанский сапог. Вряд ли после этого он будет способен помочь кому-то еще. Бедная Лена…

***

Кажется, Йоанна поднесла ей нюхательные соли… Ленка очнулась и снова повернулась к зеркалу, готовая ко всему. Да и надо же было рассмотреть свой новый облик повнимательнее! Но сначала она зажмурилась, несколько секунд внушая себе, что весь этот кошмар все равно не по-настоящему, потом открыла глаза и, к собственному удивлению и облегчению, увидела не чужое лицо, а саму себя. Все в той же средневековой одежде, с теми же увесистыми заколками в пышных каштановых волосах, но лицо было ее, родное, столько раз исследованное в зеркале до миллиметра.

Наверное, на долю секунды ей удалось увидеть себя глазами обитателей замка. «Надеюсь, — подумала Ленка, — хоть Ромас меня узнает».

Монахиня, как будто не придав значения Ленкиному обмороку, продолжала деловито сооружать ей прическу. Интересно, этому учат в монастырях, или Йоанна имеет опыт прошлой светской жизни? Спрашивать она не рискнула.

После наведения марафета Ленка под конвоем монахини вернулась в главную часть замка. На этот раз она не узнала места, хотя шли они недолго. Князь сидел у окна на высоком кресле. Вокруг было много народу, но, увидев ее, он сделал знак, и все куда-то исчезли. Только монахиня задержалась, но Юхан отослал ее нетерпеливым движением руки.

Затем он встал и подошел к Ленке. Взяв ее за руку, подвел к углублению возле окна, усадил на покрытый бурыми шкурами каменный выступ, а сам уселся рядом, чуть наклоняясь к ней и не выпуская ее руки.

— Здравствуй, дорогая сестра… Мне очень жаль, что пришлось причинить тебе страдания. Наверное, тебе было холодно и одиноко в этой келье. Всю ночь я думал о тебе и страдал. Но я знаю, когда-нибудь ты поймешь, что я только исполнял свой долг, и возблагодаришь меня за наказание, — голос его был таким же задушевным, как и в первую встречу, однако Ленка уже не обманывалась, отлично помня, чем это закончилось.

— Я еще не допросил этого… бесчестного человека. Сначала я хотел бы узнать ответы на мои вчерашние вопросы, чтобы наказание полностью соответствовало проступку, и было справедливо в глазах Божьих. Он не назвал своего имени, назови его ты, — продолжал Юхан, внимательно глядя ей в глаза.

Лена подумала, а почему это «братец», столь скорый на расправу со служанкой, чья вина тоже не была установлена, так богобоязнен с незнакомцем? Возможно, он опасается, что за этим «бесчестным человеком» стоит высокое положение и коронованные покровители? Значит, чтобы спасти Ромаса, надо давить на эту струнку души хозяина замка.

Лена даже не знала, боится она этого Юхана или нет. Если он ее брат, то она, современная женщина, найдет способ поставить его на место. Но что-то древнее в ней, то, что она сама назвала про себя «призрак Анны», боялся. Смертельно боялся этих голубых пристальных глаз и чего-то еще, совсем непонятного, глубинного, то, чему Ленка, не имея в своей голове памяти и опыта Анны, не могла найти объяснение.

— Дорогой брат, — начала отвечать она, импровизируя на ходу. Ей пришлось сделать усилие над собой, чтобы вытащить на поверхность сознания Ленку Крылову. — Я ни в чем не провинилась ни перед тобой, ни перед Богом. Этот человек не причинил мне никакого зла. Да, он действительно назначил мне вчера встречу — впервые, но только для того, чтобы узнать мое отношение к нему. Благородный рыцарь, он не пожелал поставить меня в неловкое положение, явившись к тебе с просьбой о моей руке без моего на то согласия. Верь же лишь мне, твоей любимой сестре, а не лживым доносам.

— И ты называешь лживым доносом слова чистого ангела — моей невесты? — впервые за все время в голосе Юхана послышалось негодование. — Она знала о ваших встречах в башне, но я имел глупость не верить этой святой женщине.

— Что ты, брат, — Ленке пришлось пойти на попятную, — я имела в виду только то, что она заблуждалась, или ее ввели в заблуждение… И почему ты веришь ее словам, а не моим? Я думала, что ты любишь свою сестру…

В голосе Ленки прозвучала искренняя обида, а на глаза навернулись настоящие, горькие слезы. Наверное потому, что, услышав про «святую невесту», она с раздражением вспомнила невинные глазки Настены. Забавно, что слезы подействовали, и Юхан порывисто сжал ее руку. В его глазах на секунду мелькнуло нечто похожее на вину, однако, он, очевидно, вспомнил про сидящего в подвале мужчину, и взгляд его снова стал ледяным, а в голосе появилась нотка бешенства.

— Да потому, дорогая сестрица, что она оказалась права!

Но Ленка уже держала ситуацию под контролем. Теперь, когда «братец» вышел из себя, она знала, как с этим справляться. Не в первый раз… Она поняла, чем Юхан напоминал ей Никиту. Наверное, ее братец при определенных обстоятельствах мог стать похожим на этого самодура. И желание покомандовать, и болезненное самолюбие — все это частенько раздражало в нем Ленку. Просто положение Юхана позволяли ему проявлять эти качества, а Никитке — нет. Кроме того, она откуда-то точно знала, что Анна имеет влияние на своего брата, как и Ленка — на своего. Иначе обе «святые невесты» не опасались бы так сестрицы. Настя, к примеру, всегда была с ней чересчур добра, слащава и старалась подлизаться. Ну, а этот средневековый ангел, очевидно, решила прибегнуть к доносам.

Ничего не отвечая, Ленка молча и горестно смотрела в глаза Юхану. Выражение лица у него оставалось строгим, но в жестких ледяных глазах появилось страдание и нетерпение.

— Отвечай же! — воскликнул он. — Я хотел бы верить тебе, но, Господь свидетель, разве твоя вина не очевидна?

— Милый, милый мой брат! — воскликнула тогда Ленка. — Прошу тебя, будь ко мне добр, люби меня так, как всегда. Ведь никого в этом мире у нас нет, кроме друг друга… Я виновата, что не рассказала тебе об этом человеке. Но я знала, что ты так заботишься обо мне, что не доверяешь даже очень хорошим людям. Кроме того, он хотел до времени сохранить инкогнито, и я не могу назвать его имя без его воли. Ведь его положение при дворе столь значительно, что сватовство сразу бы стало предметом толка. А в случае твоего отказа эти толки оказались бы во вред и ему, и тебе, так как могли бы восстановить против нас короля.

Ленка шла напролом, лепила наобум, надеясь, что все это в рамках эпохи выглядит естественно. Кроме того, что-то ей помогало, может, всплыли в памяти рассказы Ромаса на экскурсии.

Юхан немного помолчал, но она уже поняла, что победа временно за ней.

— Хорошо. Пока я не буду наказывать этого человека. Но когда он собирается открыть себя?

— Его надо немедленно отпустить, он вернется к ожидающим его рыцарям и приедет с подобающей его положению свитой.

— Посмотрим, — неопределенно ответил тот, — я еще не принял окончательного решения. В любом случае, если он хочет выйти на свободу, он должен назваться.

Юхан встал, выпустив ее руку. Вид у него был недовольный. Он и жаждал расправы, и чувствовал, что не может сопротивляться сестре, и бранил себя за мягкотелость. Интересно, часто ли Анна одерживала такие победы? Одно несомненно: Юхан любит сестру, своеобразной, собственнической любовью самодура, но — любит. Ленка побоялась пока настаивать на том, чтобы выпустить Ромаса, ведь, проявляя о нем излишнюю заботу, можно вызывать ревность у братца.

— Сегодня у меня праздник по поводу моей помолвки с Ядвигой, — произнес Юхан внушительно. — Я хочу, чтобы ты была на пиру, иначе Ядвига будет обижена и расстроена. Она полагает, что ты не рада нашему будущему супружеству. Кроме того, мне не хотелось бы, чтобы эта невинная девушка узнала о твоих похождениях. Она и так была потрясена, когда услышала от своей служанки про твои тайные встречи. Так что ты должна быть веселой сегодня. Надень самый лучший наряд. Сестра Йоанна!

Из-за двери, словно и не уходила, моментально показалась монахиня, на секунду подошла к князю и чуть слышно что-то ему сказала. Наверное, сообщила имя Ромаса, сообразила Ленка. А потом привычным жестом взяла девушку за локоть.

***

Ромас очнулся от кратковременного забытья. Над ним стоял тот самый верзила с бляхой на груди. Молча, ничего не объясняя, он снял с Ромаса цепи, но крепко перехватил ему руки за спиной веревкой. Затем с помощью еще одного слуги Ромаса извлекли из ямы и куда-то повели. Он отлично знал все переходы замка, поэтому понял, что идут они в подвальные помещения. Это могло быть и плохой, и хорошей новостью одновременно. С одной стороны, подвал все же не яма, и оттуда можно сбежать, с другой — пыточная находится как раз в подвалах.

Его привели в помещение без окон, но довольно сухое и просторное, с таким же каменным лежбищем у стены, как и в келье монаха. Затем верзила ушел, оставив при нем охранника, и вместо него появился другой человек, судя по одежде — не слуга, а кто-то, приближенный к князю. У него была хитрая лисья мордочка и неприятная бородавка на подбородке. Движением руки он предложил Ромасу сесть.

— Твое имя — Роман? — он произнес имя по-польски. — Ты ли Роман Мазовецкий, дворянин, воевода?

Ромас лихорадочно соображал. Он уже датировал время своего попадания в историю концом пятнадцатого века. Вот только жив ли еще Казимир IV Ягеллончик, или уже правит Александр, его сын? Если это позже девяносто второго года, то… И все-таки по некоторым признакам и разговорам Ромас определил, что великий князь литовский и король польский все еще одно лицо.

Значит, остановимся на Казимире. В таком случае, М-ский аристократ — не мелкая сошка. Но как его закинуло за столько миль – в Н-ский замок? Уж не любовь ли, действительно, привела его Юхану в лапы?

— Да, я Роман Мазовецкий, вассал короля и великого князя Казимира. Сколь долго будет угодно Н-скому князю держать меня взаперти? Король будет искать меня, и горе тогда Юхану… Так и передай ему, слуга, — высокомерно ответил Ромас.

Он рисковал, но тотчас же понял, что риск оправдался. Глаза на лисьей мордочке съехали к переносице, а губы делали нервные жевательные движения — опасения «лисы» подтвердились.

— Если ты действительно тот, за кого себя выдаешь, князь немедленно освободит тебя. Ты должен понять его — ты пробрался в замок, как злоумышленник, и пойман с его сестрой. Ты отказался назвать себя, и твое имя назвал я. Надеюсь, недоразумение скоро разъяснится, но пока твою личность некому подтвердить. Не мог бы ты предоставить князю свидетелей?

Ромас изобразил на лице гнев. Впрочем, после сидения на цепях в зловонной яме это было нетрудно.

— Если князь когда-либо был допущен к королю, он должен знать меня в лицо, — не без ехидного намека произнес Ромас.

«Лисья морда», очевидно, не имея указаний на то, как вести себя дальше, молча удалился, отвесив довольно двусмысленный поклон, который можно было растолковать в том числе и как знак почтения.

Оставшись в одиночестве, Ромас снова задумался. Очевидно, Юхан готов поверить в высокородное происхождение своего пленника, раз перевел его в приличные условия. Но и отпускать его без доказательств не собирается. А доказательств не будет — кто же подтвердит регалии простому аспиранту-историку? Разве что действительно окажется, что Ромас — это Мазовецкий, или что он — это не он, или… Нет, углубляться не стоит, мозги сломаешь, а сейчас главное — это помочь Ленке.

Самое лучшее — бежать. Неизвестно, как поступит князь, даже если поверит в эту историю. Опасаясь доноса и королевского гнева, Юхан может и убить пленника, замести, так сказать, следы. Как бы отсюда выбраться? Ромас напряженно вспоминал карту замка. Вот этой стены, кажется, не было — в современности этот подвал значительно больше, и никаких следов каменной кладки не сохранилось. Ромас подошел и постучал по стене. Так и есть — деревянная. Но даже сквозь деревянные стены он ходить не научился.

И вдруг ему послышался тихий шорох, и откуда-то из угла раздался приглушенный женский голос:

— Пан Мазовецкий, подойдите сюда… Прости меня, Господи!

Он бросился туда и увидел небольшое отверстие в деревянной стене, как будто оттуда вынули потайной брусок. Сквозь выемку на него смотрели испуганные глаза, а также выглядывал немаленьких размеров нос.

Лицо отпрянуло, и Ромас увидел руку, очевидно совершающую крестное знамение. Он в свою очередь заглянул в «глазок». Женщина замерла в нерешительности на небольшом расстоянии с той стороны стены, и он смог окинуть взглядом ее наряд. Значит, монахиня, возможно орден цистерианцев, но тут он не уверен… Из ордена цистерианцев в Польше, кажется, выделились бернардинцы. Не важно… Кажется, спасение все-таки пришло!

Глаза снова придвинулись, и монахиня зашептала:

— Пан Романай, грех совершаю я, но готовится еще больший грех, и ничем не смогу я предотвратить его. Вы должны спасти нашу панночку…

— Что угрожает Анне?

— Невеста князя Юхана, Ядвига, задумала погубить нашу девочку. Она не потерпит иную хозяйку в замке… Она только что прибыла и беседует с князем, но я видела, как ее служанка отправилась на кухню. Я пошла за ней, нарушив свое послушание, оставила Анну одну…. Господь свидетель… — и монахиня взялась было читать длинную покаянную молитву.

— Говори быстрее, что ты увидела?

— Служанка что-то подсыпала в блюдо для паняле Аннуте. Повариха как раз звала Жильвинаса, чтобы тот принес поросенка, а он…

— Что значит – в блюдо для Анны? Разве блюда готовятся не для всех?

Монахиня с удивлением уставилась на Ромаса.

— Но ведь княжна постоянно постится, Юхан установил этот пост, чтобы хоть частично выполнить завет их матушки. Все блюда готовятся для нее без молока, сыра и мяса… Они подаются паняле Анне отдельно, в личной посуде, чтобы не осквернить ее нескоромной пищей.

Сердце Ромаса тревожно заколотилось. Ему надо успеть, обязательно успеть.

— Беги и немедленно сообщи об этом Юхану!

— Не могу, — монахиня замотала головой. — Князь никогда не поверит, что Ядвига желает Анне зла. Он считает ее просто святой. Меня изгонят, а бедная девочка…

— Тогда предупреди Анну, чтобы она не притрагивалась к еде.

— Я пыталась, но уходя, я ее заперла. Когда я бежала назад, князь встретил меня, отобрал ключи и сказал, что сам приведет ее в трапезную, чтобы пани Ядвига не узнала, что княжна находится под присмотром.

— Тогда выпусти меня отсюда, сестра! Скорее! Я должен спасти Анну. Потом я сам сдамся князю.

Монахиня в ужасе замерла — наверное, подсчитывала количество грехов, совершенных ею сегодня. И все-таки истинный голос Божий в ней победил, и она молча кивнула, а потом исчезла.

Через некоторое время засов на дверях открылся. С удивлением Ромас отметил отсутствие охранника. То ли князь не боялся предательства, то ли страж вовремя отлучился.

Монахиня тряслась от ужаса содеянного. Открыв ему дверь, она мигом повернулась и убежала вглубь замка. А Ромас двинулся по темным переходам. Куда идти, он представлял хорошо, но совершенно не представлял, что ему делать.

***

Вскоре после того, как монахиня провела ее в комнату Анны и заставила переодеться, в замке поднялась суета. Послышался топот лошадей, грохот кареты о каменную мостовую, и Ленка поняла, что высокородная Ядвига прибыла к своему жениху. Йоанна отправилась за указаниями — когда привести княжну к столу, но не забыла запереть свою подопечную. Ее не было очень долго. За окном уже начинало темнеть, когда засов открыли, и Ленка, к своему удивлению, увидела самого Юхана.

— Пойдем, сестра, Ядвига ждет тебя, и я сам провожу тебя. Мне надо сказать тебе несколько слов. Ядвига так тебя любит и желает тебе лишь добра. Ты не должна упрекать ее в том, что она, заботясь о тебе, рассказала мне о своих подозрениях. Кроме того, княжна приготовила тебе подарки. Ты выкажешь искреннюю радость и благодарность. Тебе все ясно?

Ленка молча кивнула. Возможно, если она постарается исполнить эти предписания, Юхан смягчится к Ромасу.

Гости в трапезной встали при их появлении. Только высокая, черноволосая панночка с красивым профилем, сидящая во главе стола рядом с княжеским креслом, осталась сидеть. Она поднялась только после того, как они подошли к своим местам, и приветствовала Анну-Ленку ласковым поцелуем. Серые глаза остро смотрели на будущую золовку.

Княжна Ядвига, родственница короля Казимира, ничем не напоминала Настену. И все же… Что-то в улыбке, нарочито детском голосе, или в чем-то еще, едва уловимым… Или это просто внушение? Ленка подумала, что зря переносит свою ситуацию на положение бедной Анны. И правда, схожего между ними мало. Бойкая, упрямая Ленка и забитая Анна. Властный, жестокий Юхан и добрый, слегка раздражительный Никитка. Мягкая, бесхребетная Настя и эта высокородная особа-доносчица. Ничего общего, кроме того, что Анна и Юхан — брат и сестра.

Решив так, Ленка почувствовала себя свободнее. В конце концов, она как-нибудь выберется отсюда, и ей не жить с этой Ядвигой под одной крышей. Впрочем, и с Настей тоже. Вряд ли Никитка женится, а если и женится, то домой Настю не приведет. А, кроме того, у них, слава Богу, живы родители, и никто не позволит третировать Ленку.

Тут она даже рассмеялась про себя. Это Настя-то будет ее третировать? Господи, как бы она была счастлива оказаться сейчас среди них, с Настей, Никиткой… дома! А вдруг… вдруг она останется здесь навсегда? Ленку пробил холодный пот. Нет, нельзя, нельзя, надо держать себя в руках, все это обязательно должно закончиться. Они встретятся с Ромасом и что-нибудь вместе придумают.

С некоторым удивлением Ленка обнаружила, что ей приносят не те блюда, что остальным. Главным отличием было полное отсутствие мяса. Может, у Анны аллергия? Решив не показывать своего невежества, она промолчала. То, как ели гости, вызывало у нее отвращение, и аппетита не было — не для ее желудка эти непривычные яства. Особенно овощи… похоже, их даже не мыли. Она едва притронулась к своей тарелке.

— Должно быть, княжна чем-то расстроена? — с показным огорчением произнесла Ядвига. — Она ничего не ест и ни разу не пригубила вина за нашу помолвку… Она ей не рада?

Юхан бросил на Ленку свирепый взгляд. Та тотчас же послушно схватилась за грубое подобие вилки.

— Что ты, дорогая сестра, — поспешила ответить она, — я очень рада! Я буду счастлива породниться с тобой. Просто с утра я неважно себя чувствую, но мне уже лучше. Все так вкусно, — добавила она уже совсем неизвестно зачем.

Глупо получилось — хвалить собственную еду. Ведь пока еще хозяйкой в замке была она, пусть и только для виду.

Пир продолжался. Ленка старалась остаться собой, помнить, что она — из другой эпохи, что ее не касается вся эта история со свадьбой. Помнить, что все они — Юхан, Ядвига — исторические персонажи, и их кости давно покоятся в каком-нибудь заброшенном склепе. Но с каждой минутой это удавалось все хуже. Она словно

проваливалась в Анну, погружалась в нее, смотрела на все ее глазами. И ей становилось все страшней и страшней. Она боялась Ядвиги и знала, что жизнь с этого дня превратится в кошмар.

Ленка что-то пила и ела, потом принимала какие-то подарки… На нее напало странное, сонное состояние. Хотелось пойти куда угодно — хоть и в келью монаха, закрыться от всех и заснуть.

Наконец пиршество завершилось, и гостей принялись размещать на ночлег. Кажется, Юхан дал указание слуге проводить княжну Анну. «И запереть», — подумала Ленка, но ей было уже все равно. Перед глазами плыли круги, и она уже не могла ни о чем думать. Ленка не помнила, как они дошли по коридорам до ее комнаты, помнила только, что там ее ожидала сестра Йоанна. Даже в таком состоянии Ленка заметила, что монахиня сильно встревожена и буквально мечется по комнате.

— Паняле никого не встретила?

— Я хочу спать, — только и сумела произнести Ленка. Йоанна суетливо раздвинула полог кровати, и собралась, было, раздеть свою подопечную. Но Ленка, как была, в шикарном платье, рухнула на широкое ложе и моментально уснула.

Однако через некоторое время проснулась от резкой боли в желудке. За окном уже начинало светать. На кресле возле кровати виднелась высокая фигура монахини — глаза у нее были закрыты, голова откинута. Похоже, сестра Йоанна заснула на своем посту — даже свечи в канделябрах не потушены. Сильно тошнило. Надо встать и дойти до тазика… сделать усилие и встать с кровати. Вот сейчас она встанет и…

Все вокруг погрузилось во тьму. Нет, это просто ночь неожиданно нависла над Н-ским замком. Из окошка нижней башни вылетела черная сова. Нет, сова — это она сама, Ленка. Как жалко все-таки покидать замок, брата… При чем тут Никитка? Ах да, теперь он — владелец замка. Прощай, Никитка. Она больше не вернется сюда. Не может почему-то вернуться. Но постойте-ка, а как же Ромас? Ведь Ромас ждет ее — вон там, в его любимой башенке. И там есть окно. Возможно, в это окно она еще сможет залететь домой… Вот только сил уже почти не осталось. Еще чуть-чуть… совсем немножко, и она дотянет… Ромас… Она попробовала крикнуть, позвать, но сухой, одеревеневший язык не поддался. У совы ведь нет языка, в отчаянии подумала она и начала падать.

***

Выбравшись из подвала, Ромас уверенно направился в сторону основной части замка, но после первого же поворота понял, что попасть туда будет сложно. Он едва успел скрыться за какой-то дверью, потому что в коридорах постоянно ходил народ. Тогда Ромас решил пройти иначе, не по внутренним галереям, а снаружи. Он потратил кучу времени, чтобы незаметно выбраться из здания через помещения для слуг.

Но, выбравшись, начал соображать. Замок неплохо охранялся и внутри, и снаружи. Через основной вход ему не войти. Но ведь князь Мазовецкий как-то сюда попал. В истории замка была легенда о тайном ходе через колодезное помещение. В двадцатом веке его так и не нашли, он был завален и застроен. Историк семнадцатого века указал его на карте, вопрос только в том, существовал ли уже этот вход в пятнадцатом?

Вход существовал. Снаружи все сильно заросло кустарником, так, что обнаружить его было можно, лишь если о нем знать. Маленькая дверца поддалась, и Ромас попал в подвал вокруг внутреннего дворцового колодца — сырой и затхлый.

На улице уже стемнело, пир давно начался. Ромас с ужасом понимал, что не успевает. Надо скорее найти Ленку, вытащить ее оттуда. Казалось, что стоит им воссоединиться, и путь назад будет найден. Ромас решил: даже если пир в разгаре, он ворвется в залу и крикнет Ленке, чтобы ничего не ела и не пила. Если еще не поздно...

Ему удалось подняться незамеченным на южную галерею. Теперь надо пройти поверху и спуститься вниз по другой лестнице. Факелы на этой лестнице не горели, и это было ему на руку.

Ромас наизусть знал лестницы замка, тридцать высоких ступенек вниз. Еще пару шагов… Тридцатой ступеньки почему-то не оказалось. В коротком полете на каменный пол Ромас успел подумать, что вот теперь он точно опоздает.

***

Сколько времени прошло с момента, как он отрубился, неизвестно. Кажется, глубокая ночь уже переходила в утро. Радовало только то, что никто на него не наткнулся. Ромас поднялся на ноги. В голове гудело и сильно болела шея — не повернуть. Шатаясь, он двинулся вглубь замка, пытаясь бежать. Но бежать не получалось, кажется, при падении он потянул ногу.

Вокруг никого не было, наверное, наступил час, когда спят все — и слуги, и хозяева, и, возможно, даже охрана. Монахиня не сказала ему, где спальня княжны. Но он знал. Как и раньше, неизвестно, откуда…

Дверь заперли изнутри, он постучал, сначала тихо, потом сильнее. За массивной дверью ничего не было слышно. Ромас уже начинал терять терпение, когда дверь открылась, и он увидел монахиню.

— Тихо, тихо, пан Романай, княжна спит.

— Что с ней? Она здорова?

— Кажется, да. Я не знаю… Она так быстро уснула, но дышит во сне. Я не сомкнула глаз. Должно быть, я ошиблась, а может, яд не подействовал, или княжна не ела этого блюда, — торопливым шепотом бормотала монахиня.

— Пусти меня к княжне, сестра!

От возмущения монахиня не нашла нужных слов, и слава Богу — некогда было вступать в препирательства, Ромас молча отодвинул ее и вошел. Он надеялся, что монахиня не станет звать на помощь. И действительно, сестра Йоанна только в ужасе схватилась за голову, бормоча молитву.

Ромас отдернул полог. Начинался рассвет, и нежный свет уже лился через окно на ложе княжны. Непотушенные свечи бросали на ее лицо странные отблески. Ромас невольно отшатнулся. Бледное, фарфоровой белизны лицо, выбившиеся из дневной прически волосы, тонкие, длинные ресницы. Анна? Он мотнул головой. Да нет же, это Ленка, его Леночка… Он осторожно начал ее будить, слегка поглаживая по руке:

— Лена, Лена, просыпайся скорее, нам пора уходить.

Монахиня только вытаращила глаза, услышав русскую речь в устах польского воеводы.

Но Ленка не просыпалась. В тревоге Ромас стал расталкивать ее, уже не церемонясь. Все бесполезно. Если бы не слабое дыхание, можно было подумать, что девушка мертва. Тогда Ромас вытащил ее из кровати, взял, как сумел, на руки, и, прихрамывая, двинулся к двери.

Монахиня бросилась ему наперерез.

— Сестра! — произнес Ромас, — если ты сейчас не выпустишь нас, твоя княжна умрет, и ее смерть будет на твоей совести.

И, оставив Йоанну на пороге, двинулся по коридорам замка. В той части помещений, где находилась прислуга, уже слышалось движение и суета, поэтому Ромас тщательно выбирал дорогу. Каким чудом он добрался до *своей* башни, он бы не вспомнил. С трудом поднимая Ленку по крученой лесенке, он в ужасе замер. Ему показалось, он не слышит ее дыхания. Взлетев в башенку одним рывком, Ромас положил Ленку на деревянный пол, и

склонился над нею, молясь лишь о том, чтобы она была жива. Но она не дышала, лицо стало восковым, а белая рука бессильно упала на пол.

В отчаянии он поднял глаза наверх — сквозь его любимое окно на него смотрела звездная ночь.

***

Лена открыла глаза. Первое, что она увидела — это окно, то самое… А ведь когда она подлетала, четко поняла, что окно закрыто, и она не сможет туда попасть. Ленка перевела глаза и увидела искаженное горем лицо Ромаса.

— Едва долетела, — произнесла она, с трудом шевеля губами. — Хорошо, что ты открыл окно…

Парень вздрогнул, перевел на нее глаза и как-то сразу обмяк.

— Жива…

Ленка чувствовала слабость во всем теле, но слабость эта была ей приятна, ей почему-то было очень хорошо, хотя она ничего не понимала в происходящем. Ей все еще казалось, что она в своем сне.

— Лена… На нас наша одежда. Мы вернулись, — тихо сказал Ромас.

Он сел рядом, потирая затылок. Отвечать не хотелось — она блаженно глядела на звезды над головой. Но через узкие бойницы башни уже лился сероватый дневной свет — снаружи наступило дождливое утро.

— Ты можешь встать?

— Зачем?

— Нам надо вернуться.

Ленка тут же все вспомнила и резким движением села. У нее закружилась голова.

— Нет! — крикнула она, и в башне эхом раздался ее голос. — Нет, я боюсь, я не пойду туда… Останемся здесь!

— Лена, все кончилось, ничего больше не случится, я знаю. Все, что должно было произойти, уже произошло. Нам надо идти, не бойся.

Она доверчиво посмотрела на него. Они начали спускаться по лестнице — в конце коридора горел непотушенный электрический свет. Ленка заметила, что ее спутник заметно прихрамывает, но у нее пока не было сил на расспросы. Без приключений они добрались до комнаты монаха. Ленка опасалась увидеть место своего заключения и успокоилась, только когда поняла, что и раскладушка, и приемник, и стол — все на своих местах.

— Интересно, какой сегодня день? — спросила она, устало ложась на раскладушку поверх покрывала.

Она подложила под щеку руку.

— Я ведь уже ночевала здесь… одна… И после этого прошла еще одна ночь.

Ромас молча включил приемник — как раз вовремя. Радио пропикало шесть утра, диктор начала вещание, потом перешла к прогнозу погоду. «А сегодня, двадцать восьмого августа, ожидаются дожди, ветер сильный, местами порывистый…»

— Мы вернулись в ту же ночь, то есть утро, откуда и попали в прошлое, — констатировал парень.

— Я хочу уехать отсюда… Я боюсь. Мы можем снова оказаться там.

— Вряд ли, — Ромас был задумчив, — все, что мы могли узнать, мы узнали.

— Бедная Анна, как она там… Она же там — вместо меня, да?

Ромас странно посмотрел на Ленку.

— Анна умерла. Ее отравили.

— Кто отравил?

Ромас не ответил, но она могла и не спрашивать. Ее трясла мелкая дрожь.

— Значит… я умерла? – выдавила она.

— Не ты, а Анна. Не пугайся, это уже было известно из книги. Князь Мазовецкий не успел ее спасти.

— А что стало с ним?

— Об этом я ничего не знаю, но можно порыться, поискать. Возможно, ему удалось вернуться домой, а может, был схвачен князем. Он нам сейчас не важен.

— А что важно?

— Лена, мы оказались там не просто так. Это был ответ на мой вопрос.

— То есть теперь ты знаешь, отчего я умру? — медленно спросила Ленка.

— Нет, теперь ты знаешь, чего должна опасаться. Если ответ был дан, значит, шанс есть. Иначе зачем бы все это?

— Я должна опасаться яда? Кто может меня отравить, что за бред?

— Лена, кто отравил Анну?

— Конечно, эта мерзкая Ядвига, кто же еще. Ну и что?

— А кто такая Ядвига?

— Невеста моего брата… тьфу, брата Анны. Что ты хочешь сказать? Нет, лучше ничего не говори! Это просто чушь! Разве ты сам не понимаешь, что это чушь? Или на самом деле считаешь, что она… она способна… Нет, ты в своем уме?

— Сейчас — в своем. А вот ты некоторое время назад побывала еще и в чужом. Конечно, Настя не преступник... надеюсь. Да и незачем ей. Просто… будь аккуратней. И я буду с тобой, пока обстоятельства мне позволят. Но я боюсь, что в нужный момент ты останешься одна, как и Анна.

Ленка упрямо замотала головой. Она ничего не хотела слышать. Она хотела домой из этого проклятого Н-ского замка.

— Бедный Никитка. Два дня прошло! — Ленка не замечала, что снова путается во времени. — Я должна… Только слабость дикая…

Она попробовала встать с раскладушки, но сразу же улеглась обратно.

Ромас молчал, а Ленка разозлилась. Хоть она и не Анна, мог бы как-то пожалеть и приласкать ее. В конце-то концов, Роман Мазовецкий из пятнадцатого века не зря околачивался ночью в замке. А этот…

Ей стало ужасно жаль себя, нарастала обида. Ромас ищет подтверждения своим теориям, Ленка ему не нужна, а этот его драгоценный замок — просто чудовище, отправляющее ни в чем не повинных людей в пятнадцатый век. Слезы были наготове, и Ленка залилась ими, отвернувшись к стене. Она слышала, как Ромас погасил свет и задернул окошко:

— Тебе надо поспать хотя бы часок.

Несколько секунд Лена колебалась между гордостью и страхом, а потом сказала, не поворачиваясь:

— Я чуть-чуть полежу… Только ты не уходи…

— Хорошо, — мягко ответил Ромас.

***

— Инга Казимировна, у меня гость. Сейчас я ничего не могу объяснить, но она, возможно, пробудет в замке несколько дней.

Несколько дней в замке? Да вот еще! Она больше ни на секунду здесь не задержится. Ленка открыла глаза. Сон, явь — все переплелось в ее голове. Сколько она проспала? Она заметила, что покрывало, на которое она легла, теперь уютно укрывает ее. Ромаса в келье не было, он приглушенно говорил за тяжелой дубовой дверью с какой-то женщиной — судя по громкому голосу и привычной назидательности тона, той самой пожилой наставницей из кабинета с чайником.

— Ах, этот гость — «она»… Милый мальчик, не стоит так волноваться. Я отнюдь не собираюсь прогонять отсюда твою… гм… протеже. Напротив, я даже… ммм… рада за тебя. Надеюсь, конечно, что это не случайная знакомая. От тебя бы я такого не ожидала. И, конечно, она понимает, должна понимать, что ты — личность неординарная, а мешать тебе в твоем научном труде...

— Инга Казимировна… — прервал ее знакомый голос аспиранта. — Прошу вас, не делайте преждевременных выводов. Вы все не так поняли, я обязательно вам расскажу, только…

— Если захочешь представить ее мне, я буду у себя, — проговорил полный достоинства голос.

И Ленка услышала удаляющиеся шаги — женщина ходила, словно забивала ногами сваи.

Ну, разумеется, «не так поняли». Ленка почувствовала себя оскорбленной. Ромас открытым текстом объяснил сейчас, что никакая она ему не «протеже». Она резко села на кровати. Слабость прошла. Страх и потерянность тоже. Ленка быстро достала косметичку и попыталась рассмотреть себя в зеркальце. Видок у нее был довольно помятый… Лицо бледное, под глазами синяки. Да уж, в облике княжны она выглядела куда привлекательней. И прическа у той была хороша.

Надо и Ленке подкраситься. Но сначала — умыться. Вечером Ромас показал, где туалет.

Она встала, как могла, разгладила на себе одежду и решительно толкнула дверь, а заодно и стоящего за нею Ромаса. Тот вздрогнул от неожиданности.

— Лена, *вы* проснулись?

Он опять перешел с ней на «вы»? Еще лучше!

Не отвечая, Ленка гордо направилась в коридор, очень надеясь, что из туалета она в пятнадцатый век не попадет — все-таки туалетов тогда не было. А возвратившись, обнаружила, что Ромас поджидает ее в келье. Постель уже была заправлена.

— Пойдем, позавтракаем, — предложил он, глядя на нее немножко смущенно.

Вообще-то она собиралась накраситься. А впрочем… плевать! Ему же все равно… Ленка подхватила свою сумку, давая понять, что возвращаться не собирается, и молча направилась за ним.

В современной части здания она совсем приободрилась и гордо пошла впереди, узнавая дорогу. Ромас открыл дверь кабинета.

— Инга Казимировна, познакомьтесь, пожалуйста. Это Елена.

Девушка увидела перед собой пожилую женщину в той самой шерстяной кофте. Размер ее носа сделал бы честь самой сестре Йоанне. Впрочем, как и нравоучительное выражение лица.

Если бы у Инги Казимировны было пенсне, она наверняка наставила бы его на Ленку, так внимательно она принялась рассматривать девушку.

— Лен, это моя наставница и добрый друг — Инга Казимировна, — продолжал церемонию Ромас.

— Очень приятно, — проговорила Ленка.

Инга Казимировна чинно кивнула.

— Сади*тесь* вот сюда. Сейчас я разолью чай, — засуетился парень.

Специально «выкает» ей при этой Казимировне, чтобы та чего не подумала!

На столе уже стояли чашки, блюдечки с бутербродами и аккуратно порезанным лимоном. В отличие от сумбурного вчерашнего (неужели вчерашнего?) ужина с Ромасом, все было показательно культурно, даже салфеточки лежали рядом с каждой чашкой. Пока они завтракали, досмотр продолжался.

— Ну-тес, деточка моя, а где вы учитесь? — спросила, наконец, женщина доброжелательным голосом.

— В ПТУ, на переплетчицу, — тоном прилежной ученицы ответила Ленка, старательно улыбаясь.

Ромас удивленно глянул на нее, но промолчал. В глазах у него заискрился смех, и от этого Ленка завелась еще больше. Инга Казимировна подняла брови и перевела красноречивый взгляд на своего любимца.

— Ну, ничего, деточка, все-таки вы имеете дело с книгами, а это уже шанс, чтобы стать человеком, — решила проявить милосердие она.

И тут в дверях появился охранник.

— Я извиняюсь… Там – это... мужик, ну, то есть, короче, парень… требует, чтобы его пропустили. Я ему говорю, музей открывается в десять. А он выступает, кричит.

Ромас быстро посмотрел на Ленку:

— Это, наверно, Никита. Значит, догадался, что вы со мной. Лена, побудьте в кабинете, я выйду и скажу ему, что вас здесь нет.

Ленка вскочила из-за стола.

— Ну уж нет. Я не желаю, чтобы брат искал меня по больницам! Я сама сказала ему, что я здесь.

— Но я же просил…

— Мало ли, что ***вы*** просили. Он мой брат! И должен знать, где я и что со мной. Мне пора домой. Спасибо за гостеприимство. Но с меня хватит.

«Я столько здесь пережила», — хотела добавить она, но невольно подумала, что Ромас тоже пережил за эту ночь немало, и осеклась.

Однако решительным шагом вышла в коридор и повернула налево.

— Не сюда, — сдавленным голосом произнес Ромас, — выход там.

***

Никита из принципа не хотел звонить Ленке вечером, но не смог устоять. Длинные гудки нервировали его. В половину двенадцатого ночи он не выдержал, скинул мягкие тапочки и, не отвечая на вопросы обеспокоенной Насти, пошел заводить машину.

В дверях его ждала записка, а ключ не подходил к замку. Забрав у соседа ключи и войдя в квартиру, он остановился в коридоре, еще раз перечитывая послание. Сначала он никак не мог сообразить, где «з***а***мок», а где «зам***о***к», и прочитал записку так:

«Никитка, что-то случилось с зАмком, Ромас его поменял, ключи у дяди Витаса. За меня не беспокойся, буду с Ромасом, возможно, еще раз посмотрим замОк, завтра тебе позвоню. Привет Насте».

Когда он, наконец, разобрался в ударениях, то сел в коридоре на тумбочку и задумался. А может, не стоит ничего предпринимать? В глубине души Никита знал, что с Ромасом Ленка в безопасности, и ничего плохого тот никогда ей не сделает. Вот только парень этот, кажется, не в себе и ведет себя очень странно. То скромничает, как монах, а то начинает нагло командовать.

Да нет — странно, это мягко сказано. Неизвестно, какие вообще у него намерения. А Ленка? Бегает за ним, как послушная овечка. Это вообще на нее не похоже! Разве могла она раньше уехать вот так, на ночь глядя, с едва знакомым мужчиной? Как он смог добиться от нее этого — так быстро? Неужели настолько влюбилась? А может, это, правда, гипноз — как тогда, с окном? Даже Никитка ему поддался. Нет, не такой уж этот прибалт безобидный. Напротив, он — опасный манипулятор. И… что там сейчас между ними?

На душе у Никиты стало совсем темно. А если позвонят родители, что он скажет? Что сестра умотала неизвестно с кем неизвестно куда? Он обязан защитить ее. Поехать бы прямо сейчас! Но глаза слипались, и он побоялся заснуть за рулем. Он позвонил Настене, сказал, что ночевать не придет и, проспав, а точнее, проворочавшись с боку на бок несколько часов подряд, встал чуть свет, вышел во двор и завел автомобиль.

Никита был зол на самого себя — потерял столько времени. А теперь… как вернуть сестру, если она не захочет, если между ними уже что-то было?

Он совсем не выспался и врубил громкую музыку, чтобы не отключиться. Когда он подъехал к перекрестку, на котором высаживал Ромаса, закапал мелкий дождик. Никита не мог вспомнить, в какую сторону пошел аспирант — где теперь искать эту проклятую гостиницу? Даже спросить не у кого. Он свернул с шоссе, проехал пару километров по проселочной дороге, но ничего, кроме леса, вокруг не оказалось. Никита плюнул и развернул машину. Придется ехать в замок, там наверняка в курсе, где обитает их доцентишка. Кстати, он мог привезти Ленку прямо туда, а не в гостиницу. Ключ у него, кажется, есть… пообещал ей ночную экскурсию в башню…

Над озером стоял утренний туман, и замок выглядел таинственно и зловеще. И где тут ее искать? У ворот стояла только одна машина, на которой, как объяснил полусонный охранник, ни свет, ни заря водитель привозит библиотекаршу.

После получаса препирательств, Никита добился, чтобы охранник отправился внутрь музея. Еще пятнадцать минут нервного ожидания, и вдруг навстречу ему выбегает Ленка, а за нею, прихрамывая, спешит аспирант.

Лишь взглянув на сестру, Никита, с детства изучивший ее повадки, понял, что она зла, расстроена и, возможно, даже напугана. Он даже глаза вытаращил от изумления, когда вместо недовольства и ярости услышал:

— Ох, привет! Как хорошо, что ты приехал!

— Лена! — обычно сдержанный Ромас схватил ее за запястье, пытаясь остановить. — Лен, что ты делаешь? Тебе нельзя сейчас уезжать.

Она дернулась и вырвала руку.

— А что я должна тут делать, скажите пожалуйста? Сидеть здесь и ждать, когда опять… — она бросила взгляд на Никитку, и прервалась на полуслове. — Короче, у меня дела, у меня семья, у меня есть… парень, в конце концов!

Ромас насупился, вид у него стал совсем удрученный. Однако он упрямо повторил:

— Лена, послушай! Ты не должна уезжать от меня. Подожди совсем немного, хотя бы один день, — от безнадежности он даже обратился к Никите:

— Никита, прошу вас. Приезжайте за сестрой завтра. Мы вам позвоним. Уверяю вас, с ней все будет в порядке. Но только если она останется здесь.

Никита как будто ничего не слышал. Он был в ударе, твердо убежденный, что спасает сестру от коварного злодея.

— А ну лапы от нее убери! Ленка, если он обидел тебя, только скажи! Да если я что узнаю, я тебя… как собаку…

Угрозы были пустыми, парень явно превосходил его по физической форме, к тому же рядом, раскрыв рот, уже стоял охранник. В какой-то момент Никите даже показалось, что Ромас готов удержать Ленку силой, перегородил ей дорогу, удерживая за локти. Однако до драки дело не дошло, Ленка с силой оттолкнула его и направилась к машине. Продолжая сыпать угрозами, Никита последовал за ней.

Эта сцена или отдельные реплики что-то напомнили Ленке, но она не хотела сейчас об этом думать. Через несколько минут брат с сестрой уже сидели в машине. Упорный, неадекватный аспирант теперь стучал в лобовое стекло, все еще пытаясь что-то объяснять.

— Да он ненормальный просто, — заявила Ленка. — Езжай.

Никитка тронул машину так, что Ромас чуть не проехался лицом по стеклу. И только когда они отъехали метров на пятьдесят, Ленка обернулась. У ворот все еще стоял аспирант, и самым верным словом, описывающим эту одинокую фигуру, было отчаяние. Глубокое отчаяние.

***

В тот же день, не успели они вернуться, Ромас позвонил. Но к телефону подошел Никитка, рявкнул что-то резкое и бросил трубку на рычаги. Ленка ничего не стала рассказывать брату о ночных происшествиях, а на все вопросы упорно отмалчивалась либо говорила: «Потом», чем довела его до белого каления. Ну что она могла рассказать, не рискуя, что ей вызовут скорую и положат в психушку?

Они приехали рано, к обеду, и Ленка решила-таки поехать в университет, а точнее, сбежать от Никиты с его расспросами. Там она переписала расписание, поболтала с сокурсниками, кто и как провел каникулы, потом оторвалась ото всех и села на скамейке в парке возле учебного корпуса.

Ленка привыкла быть честной с собой. Она чувствовала себя виноватой перед Ромасом и одновременно злилась на него. Да, она влюблена в него, теперь она знала точно, и эти мысли наполняли ее сердце еще большей горечью.

Несмотря на ее поведение, он все равно звонит и продолжает о ней заботиться. Но не забота его ей нужна, точнее, не одна лишь забота! Да и как теперь с ним разговаривать… Ведь ясно теперь, что он ошибался. Если ей и угрожала опасность, то как раз в самом замке – и как Ромас этого не понимает! Он слишком влюблен в Н-ский замок, чтобы увидеть, насколько тот страшен. Его заблуждения чуть не стоили Ленке жизни, а он все еще продолжает думать, что спасает ее!

Вечером Ромас позвонил снова. На этот раз Никитки дома не было.

— Лена, — произнес он тихо, а в голосе звучала тревога, — как у тебя дела?

Для чего он унижается? Ах, ну конечно, научный эксперимент. Ученые — они такие, диссертация важней самолюбия.

— Проверяете, жива ли я еще? — деловито ответила Ленка. — Хотите, попрошу родных телеграфировать вам, когда что-то случится? Скажу, чтобы сделали полный отчет: при каких обстоятельствах, где, когда. Вставите в научную работу.

— За что ты на меня злишься? Я сделал что-то плохое?

Ей стало стыдно, но остановиться она уже не могла. Ага, теперь он с ней снова на «ты», очевидно, Инги Казимировны рядом нет.

— Мы с вами пили на брудершафт? — ехидно спросила она.

— Обиделась, что я сухо разговаривал с тобой при Инге? Ты должна понять, она человек старой закалки, привыкла, чтобы все было по правилам. Я не собирался ей объяснять, что ты для меня значишь, это помешало бы работе.

— А, так я для вас что-то значу? Как отличный объект для опытов, надо полагать?

Он некоторое время молчал, а она замерла, с нетерпением ожидая ответа.

— Я не хочу сейчас об этом, — наконец, произнес он. — Сейчас нельзя. Ситуация, чтобы остаться прозрачной, не должна осложняться ничем… ничем другим. Иначе я не смогу тебя защитить.

Нет, эта упертость уже становится невыносимой!

— Послушай, — не выдержала Ленка, забыв свое намерение «выкать», — я уже целый день провела вне твоей защиты! И ничего со мной не произошло! В отличие от нашей ночи в замке!

— И слава Богу! Ты даже ничего не успела мне рассказать. Что случилось с тобою той ночью. Я думал, что… я очень испугался за тебя, — быстро завершил он.

— А я за тебя, — призналась она. — Как ты смог выбраться? Ты… ты ведь меня спас…

Она только сейчас осознала это в полной мере, и ей стало тошно от самой себя. Она же видела, как он хромал, видела ссадину на лице, но ничего не спросила. Потому что думала только о себе.

— Ладно, об этом позже. Пока расскажи мне все, что было сегодня, — настойчиво попросил он. И добавил:

— Пожалуйста…

Ленка поняла, что не может больше злиться. И не хотела больше испытывать его терпение. Разве она переживет, если он больше никогда не объявится?

— Ничего особенного. Никитка привез меня домой. Потом я съездила в институт.

— Расскажи, как дела у Никиты, это важно.

— У него все прекрасно. Он женится на Насте, они объявят об этом завтра, когда вернутся родители. Настя всех пригласила к себе.

— Женится? — в его голосе что-то изменилось.

Ленка удивилась его реакции. Может, Ромас все-таки положил глаз на Настю?

— Да, они подали вчера заявление, — тон у нее стал вызывающим. — Завтрашний вечер будет считаться официальной помолвкой. И чего это тебя так волнует?

— А тебе это ничего не напоминает?

Ах, вот он о чем! Ну, это уже не смешно. Конечно, желание Никитки срочно жениться несколько удивило Ленку, но она скорее обрадовалась. Так что никаких дурацких параллелей она больше не позволит.

— Даже не начинай, — голос Ленки был категоричен. — Послушай, ты когда-нибудь признаешь ошибки? Вспомни, что ты говорил про окно: мол, оно показывает то, что мы не можем увидеть, хотя оно и существует. И что оказалось? Окно привело нас в пятнадцатый век.

— Я не ошибся. Окно показало то, чего ты не видишь.

Ленка вздохнула. А еще говорят, это она упрямая.

— Лена, ты могла бы выполнить мою просьбу? — его тон вдруг изменился, стал торопливо-деловитым. — Возможно, твой брат будет недоволен, но… возьми меня с собой к Насте на праздник. Представь, как своего парня, что ли. Хотя… ты говоришь, у тебя есть парень. Ну как однокурсника, например. Я все понимаю, я тебе надоел, но поверь, это последнее, с чем я к тебе пристаю.

Ленка пожала плечами на другом конце трубки. В конце концов, пусть себе развлекается со своими теориями. А ей так хочется его видеть, что повод уже не важен. Пусть следит за Настей, если так хочется, лишь бы только пришел.

Конечно, ему этого говорить не стоило. Следовало еще немного поломаться, но вместо этого она произнесла потухшим голосом:

— Да нет у меня никакого парня… Записывай адрес. Завтра в четыре.

***

— Инга Казимировна, завтра я снова еду в Т. и ночевать не вернусь.

Пожилая леди оторвалась от книги и, не убирая лупы от глаза, посмотрела на него сквозь толстое стекло.

— Ромас! Эта девушка кажется мне неблагодарной, — произнесла она, четко произнося слова и слегка поджав губы.

— Она просто слишком эмоциональна, они с братом очень похожи. Обычно бывает наоборот… — задумчиво ответил Ромас.

— Психопатический склад характера. Дорогой мой, ведь вы глубоко изучали историю и прекрасно знаете, что такие натуры…

— Кстати, об истории. Инга Казимировна, вы что-нибудь знаете о воеводе Романе Мазовецком?

Инга Казимировна пожала плечами.

— Предположим, был такой воевода. А при чем тут Н-ский замок? Хотя возможность его знакомства с Н-скими князьями не исключена. Хочешь, чтобы я поискала?

— Нет… — Ромас сделал паузу, прежде чем ответить. — Не надо. Я так…

Ничего он не хочет об этом знать, да и параллели тут никакой, по-видимому, нет. Предупреждение касалось только Ленки. Но Инга уже листала какой-то справочник.

— С такими личностями проще, чем с княжнами, не дожившими до восемнадцати лет. Не так уж много воеводств было в Речи Посполитой. Вот, пожалуйста, участвовал в нескольких битвах, кстати, даже в походах на Россию, а также в интригах против родственников Казимира… пережил Казимира, служил его сыну Александру — Великому князю Литовскому, затем Жигмонту Первому, при котором возобновилась личная уния Литвы и Польши. Чуть-чуть не дожил до объединения Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Длинная, богатая событиями жизнь, а что?

«Ага, — подумал Ромас, — возможно, Ядвига плела свои козни не только против Анны…»

— Там ничего не написано, женился ли он после… То есть женился ли он?

— Таких сведений, мальчик мой, — Инга Казимировна саркастически направила на него лупу, — серьезные справочники не дают. А почему ты интересуешься?

— Его возлюбленную отравили почти у него на глазах.

— Дорогой мой, ты все-таки неисправимый романтик!

***

На всякий случай Ромас хотел выехать пораньше, но его задержали неотложные дела. Рута, экскурсовод, позвонила с утра в замок — у нее заболел малыш, ее надо было срочно заменить на пару часов.

Микроавтобус на Т., к счастью, подошел точно по расписанию. Значит, часам к трем Ромас будет в городе, время еще есть. Только что делать, если Ленка не захочет его слушать? Ведь он действительно не знает, как история Анны может преломиться в судьбе девушки. Возможно, будет что-то иное. Но час «икс» настает, он это чувствовал. И очень боялся. Если с Ленкой что-то случится… он даже думать об этом не мог.

Они проехали уже километров тридцать, когда автобус неожиданно остановился.

— Без паники, господа, сейчас разберемся, — водитель вышел из кабины и зарылся в моторе.

Прошло еще минут пятнадцать, когда он объявил:

— Ищите попутку, ребята, сегодня уже никуда не поедем.

Ромас вылез из автобуса, с тоской глядя на пустое шоссе — дорога эта никогда не была оживленной. Придется добираться до центральной магистрали. Пешком.

***

— Родители звонили с аэропорта, через полчаса будут дома. Переоденутся и сразу придут, — сообщил Никитка.

— Ой, хорошо. Мы должны успеть, — Настя с невиданной скоростью шинковала очередной салат.

В духовке уже стоял пирог, на вынутом противне красовалось мясное блюдо. На столе расставлены всевозможные закуски. Но Настя все еще не считала подготовку законченной. У Ленки уже текли слюньки, но Настя не разрешала ничего пробовать, пока остальные не собрались.

— Леночка, потерпи. Видишь, я делаю тебе твой любимый салатик — фруктовый. Не надо кусочничать, аппетит пропадет. Только заправь сама, а то я не успеваю.

Прелесть все-таки эта Настя. Ничего, кстати, общего с мерзкой Ядвигой. Ленке стало неловко: все эти несколько часов она торчала на кухне, но только мешала ловким, отточенным действиям Насти.

Ну, по крайней мере, заправить салат она может. Настя протянула ей коробку со сметаной. По инерции, как всегда делала мама, Ленка взглянула на крышку.

— Насть, тут срок годности истек, отправь Никитку, пусть купит другую.

— Насколько истек?

— Вчера.

Настя снисходительно улыбнулась:

— Леночка, но ведь она запечатана. Подумаешь, один день. Ну, давай откроем, смотри — вид абсолютно свежий. Я это определяю на глаз. Зачем еще тратить деньги? Пусть лучше Никита разложит стол.

— А мама говорит, лучше выкинуть, чем рисковать.

— Лен, ты бы слушала, что тебе говорит Настена, — вмешался брат, — мама тебя избаловала совсем. Не понимаешь ничего в кулинарии, так делай, что говорят. А то кроме яичницы ничего и приготовить не можешь.

Ленка чуть было не взорвалась. С того момента, как Никитка увез ее из замка, тон у него становился все более покровительственным. Как же, вытащил нерадивую сестру из неприятностей. А теперь он еще и женится — взрослый, солидный человек, вы только посмотрите!

Из последних сил она удержалась от язвительной реплики. Не стоит сейчас ругаться. Ведь она еще не сообщила брату о приезде Ромаса.

— Насть, я пригласила своего друга, ты не против? — спросила она, наконец, как бы между прочим.

Никитка с Настей уставились на нее.

— Конечно, нет, Леночка, — пролепетала Настена.

Она уже взяла из Ленкиных рук банку со сметаной и выливала ее, размешивая, в салат.

— Надеюсь, это не наш знакомый аспирант? — с демонстративным вздохом спросил Никита.

— Зря надеешься, — так же демонстративно вздохнула Ленка.

— Вы что, помирились?

— Да. И прошу тебя, не затевай с ним свары. Он ничего плохого никому не сделал. Ты уже практически женатый человек, вот и веди себя соответственно.

Никитка стиснул зубы, но промолчал.

***

Родители выглядели отдохнувшими и загоревшими. Мама пребывала в отличном настроении — наконец-то сбывались ее мечты! С такой женой, как Настя, мальчик не пропадет. Будет ухожен, отглажен, накормлен и самое главное — любим.

Они уже сели за стол, а Ромаса все не было. Ленка не стала настаивать, чтобы его подождали. Она беспокоилась: отчего парень не приехал? Обиделся? Или опять попал в заварушку? И как он вообще сидит в этом замке — страшно ведь! Девушка молча ковырялась в еде, не вступая в общий оживленный разговор.

— Ну, выпьем за наших молодых! — с энтузиазмом произнес отец.

— Что-то, по-моему, Леночка чем-то расстроена, — в голосе Насти звучали обида и огорчение. — Ничего не ест, даже свой любимый салат.

Никитка посмотрел на сестру с упреком. А Ленка вдруг замерла: прямо холодок побежал по спине. Уж больно похожая сцена. Да что там, прямо один в один. Конечно, это полная ерунда, как можно даже подумать, что… И все-таки…

— Спасибо, Настен, все очень вкусно. Просто я неважно себя чувствую, — виновато ответила Ленка и сразу же поняла, что произносит свои же слова. Слова Анны.

— Давай, я положу тебе твой салатик.

Несколько секунд Ленка молча колебалась. Первым порывом было послушно взяться за еду, не заостряя на себе больше внимания. Потом сказала как можно мягче:

— Нет, спасибо, пока не надо…

— Давай, давай, а то останешься голодной.

— Я не буду, не обижайся, — голос Ленки стал тверже.

— Настя так старалась, а ты выпендриваешься! — вспылил Никитка.

— Я просила Настю не заправлять салат просроченной сметаной, — неожиданно резко ответила Ленка. — Я еще жить хочу.

— Просроченной? — вмешалась мама. — Это ты зря, Настенька. Береженного Бог бережет. Леночка, лучше не кушай, у тебя слабый желудок.

Настя надула губы, а в глазах у нее появились слезы.

— Да ну вас! — вмешался расстроенный Никитка. — Не понимаете ничего. Настен, положи мне, пожалуйста.

— Никита, — мама посмотрела на сына, — ну разве это так важно? Не надо, все остальное и так очень вкусно.

Но Никитка уже демонстративно уплетал салат за обе щеки. Дальше обед пошел в прежнем русле, хотя Настя выглядела несчастной. Ленке стало совестно, что она пошла на поводу у Ромаса и его домыслов, но страшные воспоминания еще были сильны. Ту резь в животе она и хотела бы забыть, но не могла.

***

Ромас приехал, когда на улице совсем уже стемнело. Ленка сама открыла дверь.

Парень был в светлом льняном костюме, который очень ему шел. Ленка обрадовалась, но напустила на себя строгий вид, деловито кивнула ему и сделала приглашающий жест.

— Мама, папа — это Ромас, мой друг.

— Очень приятно, — буркнул Никитка.

Вне всякого сомнения, новый знакомый дочери вызвал у родителей интерес. Но отцу так и не удалось вступить с ним в свойский мужской разговор, а у мамы не получилось «узнать о нем побольше». Парень односложно отвечал на вопросы; ему, похоже, было все равно, какое впечатление он производит и где находится. Ленка изводилась: неужели так трудно быть полюбезней, даже если он только изображает бойфренда? Он казался погруженным в свои мысли, вот только при этом не спускал глаз с Настены и даже не слишком это скрывал. Заметив его внимание, та приятно взволновалась.

Никитка теперь выглядел совершенно взбешенным, а родители недоумевающее переглядывались. Ленка уже не знала, куда деваться от стыда и неловкости.

Наконец, все попрощались с молодыми и вышли на улицу, и тут Ромас неожиданно заявил:

— Мне неудобно пользоваться вашим гостеприимством, но, боюсь, я сейчас не найду подходящую гостиницу. А все автобусы давно ушли.

Знакомый фокус, он уже проделывал его с Никиткой, в самый первый день. Мать с отцом изумленно переглянулись, но они были люди воспитанные.

— Конечно, какая гостиница! Комната Кита свободна, переночуете в ней.

И, хотя за весь этот вечер Ленка не обменялась с Ромасом ни словечком, она все равно обрадовалась, что он остается.

***

— Спокойной ночи, — вежливо попрощалась Ленкина мама и прикрыла за собой дверь.

Ромас огляделся. Комната у Никиты была маленькой и заставленной. Книжный шкаф, полный до такой степени, что прогибались полки, в углу у шкафа — гантели и боксерские перчатки. На стенах — никаких плакатов, а пара неплохих пейзажей. На

письменном столе — несколько фотографий, с Настей, с Ленкой, с родителями. И просто Ленкино фото. Здесь она в детстве — маленькая, смешная, со сморщенными на коленках колготками, с пластмассовой куклой в одной руке и большим деревянным пистолетом в другой. Наверное, пистолет сделал ей брат, подумал Ромас.

Он разделся, аккуратно повесил костюм на стул, выключил свет и лег на диван. Мысли продолжали роиться в голове, не давая покоя. Он что-то упустил, но что? Кажется, с Ленкой все нормально, хотя, как пришли домой, она сразу отправилась спать. Как узнать, в порядке она или нет? Снова, как тогда, в замке, ворваться к ней в комнату?

Знания, которые прежде нисходили на него, отказывались являться по приказу. Оставалось ждать, и он ждал, не зная, чего, холодея от ужаса и страшных предчувствий.

С того самого момента, как он, подняв голову, увидел идущую по дорожке у замка девушку, Ромас знал, что жизнь без нее — пуста и никчемна. Он должен был сделать все, чтобы опасность прошла мимо нее, и он ничего не сделал…

На часах было уже за полночь, но за стеной, возле которой стоял его диван, еще слышались приглушенные разговоры. Должно быть, Ленины родители обсуждали неудачного жениха. За другой стеной, в комнате девушки, стояла непроницаемая тишина. Такая же непроницаемая, как преграда, закрывшая теперь столь нужные ему знания.

Внезапно он вскочил, быстро натянул брюки и бросился к двери. Остановился. Нет, что он скажет? Ромас схватился за голову: что ему делать? Ну, хоть малюсенькая подсказочка — откуда-нибудь *оттуда*…

Тишина. Ромас повернул обратно к дивану, снова разделся и повесил штаны на стул, прилег. И тут ему показалось, что он слышит собственное имя. Это не было никаким знаком свыше, возможно, его произнесли Ленкины родители за стеной. Он даже не был уверен, что ему не показалось, но тотчас выскочил из постели и, как был, в одних трусах, рванул в соседнюю комнату.

В первую минуту он ничего не увидел, потом при свете фонаря за окном разглядел тахту, на которой спала Ленка. Подошел поближе. Каштановые волосы разметались у нее по подушке. Бледное, заостренное лицо… Знакомая картина! Он вспомнил мраморное лицо Анны — или Ленки? - на огромной кровати в Н-ском замке.

— Леночка, что с тобой, ради Бога! — Ромас упал на колени и принялся трясти девушку за плечи.

Она тотчас открыла глаза.

— Ромас? Ты что здесь?

— Я… я просто… — он в замешательстве смотрел на нее.

Вид у нее был растрепанный, но ни белизны, ни страшной печати смерти на ее лице больше не было.

— Ты все-таки пришел ко мне?

Она села на кровати и обвила его шею руками. И Ромас не выдержал, прижал ее к себе и стал целовать — в губы, волосы, шею… Потом опомнился и резко отодвинул от себя девушку:

— Лена, скажи мне, что произошло, пока меня не было? Это важно. Все, в подробностях.

— Господи, Ромас, ты опять за свое…

— Прошу тебя!

— Да не ела я ничего! Береглась, как могла. Настя на меня даже обиделась — она специально готовила мне салат, хотела сделать приятное. Это все ты, ты меня запугал! Но, между прочим, Никитка ел, и с ним все нормально.

— Давай ему позвоним. Мало ли что.

Ленка встревожилась.

— Ладно, давай. Отвернись, я найду халат.

Ромас вспомнил, что и ему не мешало надеть бы брюки.

***

Она тихонько выскользнула в коридор. Дверь у родителей была закрыта.

Ленка набрала Настин номер. Долгие гудки. Наверное, уже спят; Настя умаялась за день, может, не стоит ее будить — снова из-за какой-то чепухи.

— Настен, ты меня извини, ради Бога! Вы спите?

— Нет… Никитку тошнит, он над раковиной висит. Все было такое свежее, я просто не знаю, — у Насти был испуганный голос.

Но Ленка испугалась еще больше.

— Настя, а твой салат, который я не стала есть!

— Наверное, ты права, — голос у девушки стал совсем убитым. — Что же я натворила! Ну, ничего, сейчас я дам ему таблеточку…

— Настенька, милая, послушай меня, ради Бога, вызывай скорую. Я все потом тебе объясню. Это очень, очень серьезно.

***

— Промывание сделали, организм крепкий, все будет нормально. На всякий случай поставили капельницу. Хотя, надо сказать, вы вовремя его привезли. Будь он чуть послабей… Отравления молочными продуктами всегда тяжелые, раз на раз не приходится. А если еще и в сочетании с плохо вымытыми фруктами… — молодой бородатый врач устало зевнул. — В общем, можете зайти в палату, только не все сразу.

Родители бросились вслед за профессором, пытаясь узнать подробности. Ленка с Ромасом переглянулись.

— Пойди, сходи к нему, а я подожду, — сказал Ромас.

— Пойдем вместе.

Ромас кивнул, и они отправились в палату. Ленка сразу бросилась к брату и чуть не заревела. У него был совершенно зеленый вид, а из руки торчала капельница.

— Ленка… Лежу и думаю — какой я придурок, — Никитка облизнул пересохшие губы.

— А где Настя?

— Никак не может успокоиться. Боялась с вами встречаться, я отправил ее домой. Мне было плохо и кажется… кажется, я был с ней груб. Просто я представил, что это могло случиться с тобой… А у тебя больной желудок! И ведь ты же ей говорила, а я еще, урод, настаивал.

— Прекрати, Никит, она же не специально! Ничего ей больше не выговаривай. Бедняга, мне ее так жалко! — горячо откликнулась Ленка.

Никита перевел взгляд на Ромаса.

— Не сердишься на меня? — выдавил он из себя. — Я ведь знал, что ты нормальный парень, просто на меня находит что-то..

— Просто ты чуть-чуть собственник, — без улыбки ответил Ромас. — Но я тоже виноват. Я видел, что Лена в опасности, и думал сначала, что опасность исходит от тебя. Поэтому ничего не объяснил.

— То есть как? Ты заранее знал, что ли? — Никитка напрягся, приподнявшись на локтях, а Ленка пыталась уложить его обратно, с опаской поглядывая на натянувшуюся трубочку капельницы.

— Мы тебе потом расскажем. Главное, с тобой все нормально. А вот с Леной могло быть хуже, ты прав.

— Лен, ты позвони Насте, ладно? Я, наверное, слишком погорячился. Пойми, она действительно думала, что со сметаной все в порядке, иначе бы никогда… Она тебя так любит…

— Не совсем так, и лучше, если ты будешь это знать, — вмешался Ромас. — Потому что Настя не только не любит Лену, она ее… очень не любит. Прости, это заметно даже со стороны.

— Что ты хочешь этим сказать? — напрягся Никита. — Настя немного ревновала, это да. Но чтобы специально…

— Скорее, подсознательно.

Никитка откинулся на подушку и закрыл глаза. Все молчали. Потом он сделал усилие и спросил, глядя на Ромаса:

— Думаешь, мне не следует жениться на Насте?

— Ну-у, это только твое дело, — сочувственно протянул Ромас. — Если ты ее любишь… придется простить и помочь справиться с ревностью. Думаешь, ей легко понимать, что она для тебя не на первом месте?

— Я не знаю… люблю или нет… Не умею я быть собой… не зависеть ни от чего… внешнего. Так противно… Тебе-то хорошо... у тебя есть окно.

— Оно и у тебя есть, и у каждого, — серьезно ответил Ромас. — Только надо держать его открытым... всегда открытым.